

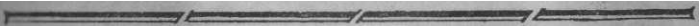
РР 84Р1
К-99

ПРОКОФИЙ ЛИПУНОВ

ТРАГЕДИЯ
В КЮХЕЛЬБЕКЕРА

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ

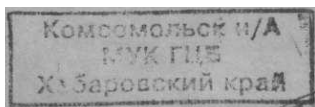

ПРОКОФИЙ ЛЯПУНОВ

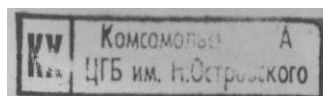
ТРАГЕДИЯ
В КЮХЕЛЬБЕКЕРА

149772

*Редакция
и вступительная статья
Ю. Тынянова*

К — 99

18 июля 1834 года, сидя в Свеаборгской крепости, Кюхельбекер записал в своем дневнике: «Получил письмо от Бориса и в подарок от Пушкина Сказания Современников о Самозванце, Записки Курбского и Описание Малороссии Боплана». Связь Пушкина с заключенным, а затем ссыльным другом не прерывалась: он дважды присылал ему книги: свои сочинения, книги для занятий; был его издателем, передавал родным литературный гонорар, и понадобилась просьба самого узника, обращенная к Пушкину, — не писать, чтобы удержать его от писем в крепость (в Сибирь Пушкин ему позднее писал).

Упомянутый в письме Борис — племянник

Кюхельбекера, Борис Григорьевич Глинка, бывший одним из посредников между заключенным декабристом и его другом. «Сказания современников о самозванце» были изданы Н. Г. Устряловым в 1831 - 1834 годах в пяти частях, включающих записки Бера ("Летопись Московская"), Паерле, Маржерета и Де Ту, дневник Марины Мнишек и послов польских и записки Маскевича. «Записки Курбского» — это «Сказания князя Курбского», в двух частях: часть первая — "История Иоанна Грозного" и часть вторая — "Переписка с Иоанном и другими лицами" (издано тем же Н. Г. Устряловым в 1833 году); и, наконец, де Боплан, «Описание Украины», — перевод с французского, 1832 год. Все эти книги есть в библиотеке Пушкина.

Кроме присланных Пушкиным книг, у Кюхельбекера были последние томы «Истории Государства Российского» Карамзина, сочинения Шиллера и Шекспира.

21 июля он садится за чтение записок Маржерета, а 1 августа отмечает: «Потру прочел неконченного Шиллерова Самозванца и начал из него выписки». Так рождается замысел «Дмитрия Самозванца». Еще 3 августа тюремное творчество не клеится: «После обеда нашла на меня неодолимая тоска... О, если бы творческая мысль! вдохновение! — Я бы все забыл». А 4 августа уже запись: «Боюсь отметить, что я сегодня начал трагедию: Дмитрий Самозванец; ход у меня будет почти тот же, что у Шиллера, — иные сцены даже просто переведу; зато характер главного лица предполагаю представить совершенно в ином виде». Итак, задумано продолжение пьесы Шиллера.

6 августа Кюхельбекер отмечает, что «значащую роль» в его трагедии будет играть Леонид; Леонид — это чернец, которого Самозванец выдавал за «подлинного» Григория Отрепьева. 8 августа он записывает, что трагедию назовет «Григорием Отрепьевым», а не Дмитрием Самозванцем, «et c'est pour cause» («на это есть причины»). Мысль трагедии усложняется. 9 августа Кюхельбекер бросает начатую трагедию, — 10 августа он записывает: «Принялся за перевод Венецианского Купца. Итак мой Григорий Отрепьев или Дмитрий Самозванец опять останется одним благим намерением».

Результатом этого намерения остался перевод начала Шиллерова «Demetrus», сохранившийся в рукописях Кюхельбекера.

Мы не ошибемся, если припишем эту неудачу следующему противоречию: намерение продолжать Шиллера и подражать ему противоречило широким, вполне реальным изучением эпохи, которые Кюхельбекер одновременно вел. Занятия переводами Шекспира ненадолго его отвлекли. Через пять дней, 15 августа, он снова начинает заниматься Карамзиным. «История Государства Российского» производит на него глубокое художественное впечатление. О главе первой седьмого тома (Вел. кн. Василий Иоаннович) он отзываясь: «Это трагедия, и какая!» О девятом томе (Иоанн IV): «...лучшее творение Карамзина: жаль только, что кое-где заметны натяжки и желание блеснуть». 28 сентября он записывает: «...Осада Троицкой лавры из лучших отрывков у Карамзина...

Б р о д и т в г о л о в е Л я п у н о в ы м». И, наконец, 10 октября: «Сегодня написал я первую сцену своего Ляпунова». На этот раз герой был найден верно, работа закипела, и 21 ноября Кюхельбекер заносит в свой дневник: Напоследок я кончил сегодня своего Ляпунова: пять актов я написал в 52 дня, и то с перерывами; иногда по два дня ничего не прибавлял».

Тотчас же, с 25 ноября, он начинает просматривать, исправлять и переписывать рукопись. 15 декабря он заносит в свой дневник: "От Ляпунова я еще не совсем отделился: перечитываю и пишу примечания» (примечания эти не сохранились). Наконец назавтра радостно и тревожно записывает: «Сегодня в седьмом часу пополудни разделался я совершенно с Ляпуновым: завтра расстанусь с ним (отдам его); что-то бог даст?»

В камере были на этот раз нужные для изучения книги, были бумага и перья, но не было друзей, критики, обсуждения и помощи. Посылая в письме к племяннику Николаю Глинке отрывок второго действия, только что написанный, он просил: «Очень я бы желал знать мнение об этой сцене как ваше, так и Александра Сергеевича. Если можно, — сообщите!» У нас нет сведений, был ли доставлен этот отрывок Пушкину.

Переписывая, он заботится о том, чтобы произведение его дошло до друзей. "Переписываю: добрался уж до третьего акта, и дней через десять отправлю Орус целиком в Петербург, — пишет он Николаю Глинке 6 декабря. - Притом будет письмо к Борису, — о с о б е н - н о е; попроси его заране, чтоб он меня тотчас уведомил о получении письма (рукопись-то навряд ли получите!). Считаю Ляпунова одним из лучших своих произведений". Значительное упоминание об о с о б е н н о м письме к племяннику — Борису Глинке — нам понятно: Борис Глинка передавал письма и поручения Кюхельбекера Пушкину. Предчувствие Кюхельбекера, что рукопись не будет доставлена, — сбылось. Кюхельбекер располагал позднее рукописью трагедии в Сибирской ссылке.

Более ста лет протекло со времени ее написания. Впервые опубликована она по автографу в «Литературном Современнике», 1938 г., № 1.

Трагедия о широком народном движении, написанная пятистопным ямбом, была для Кюхельбекера знакомым жанром. В 1822 — 1823 годах он написал большую трагедию «Аргивяне». Пятистопный ямб в драме применил он один из первых, и на него ссылался Пушкин в проекте предисловия к «Борису Годунову»: «Стих, употребляемый мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами. У нас первый пример оному находим мы кажется в «Аргивянах».

И все же создание «Прокофья Ляпунова» было для Кюхельбекера совершенной новостью. На нем отразилось представление Кюхельбекера, как ученика Грибоедова, о народности, мысли декабриста, пережившего разгром освободительного движения, в котором принимал участие, но не утратившего веру, о русском народном движении XVII века и вождах его.

Кюхельбекер был пламенный патриот. Он признавал себя немцем только «по отцу и матери». В 1820 году, путешествуя по Западу, он пишет сестрам: «Вы не можете себе представить, с каким наслаждением я здесь, в немецкой стороне, пишу эти русские строки. — Каждая буква напоминает мне мое отечество, напоминает мне вас, говорит мне: они ответили бы тебе на твои ласки твоим родным, твоим любимым языком». Тогда же он встретил своего ученика Мельгунова: «...мы разговариваем только и единственно о России и не можем наговориться о ней: ...сердечное убеждение, что русский бог не вотще даровал своему избранному народу его чудные способности, его язык, богатейший и сладостнейший между всеми европейскими, что небо предопределило россиянам быть великим, благодатным явлением в нравственном мире: вот что придает жизнь и теплоту нашим беседам, заставляющим меня иногда совершенно забывать, что я не в отечестве».

Именно эта любовь и вера в дарования народа и привели Кюхельбекера в ряды декабристов. В показаниях, данных следственной комиссии, Кюхельбекер называет главной причиной, заставившей его «желать иного порядка вещей и наконец побудившей вступить в тайное

общество» — «развращение нравов простого народа», проистекающее из угнетения и крепостного рабства. Признаюсь, что сия побудительная причина была для меня из самых главных: ибо, взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку (и это для писателя не последнее), коему в Европе нет подобного, наконец по радушию, мягкосердечию, остроумию и непамятозлобию, ему перед всеми свойственному, я душою скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, быть может, опадет, не принеся никакого плода в нравственном мире».

Сидя в крепости и думая о смерти, он пишет стихи о том, как встретит в раю всех своих любимых поэтов: Тасса, Гомера, Ариоста, Данта, Байрона, Расина и Эсхила (отметим, что среди них и «воспевший Каялу, славянин» — автор «Слова о Полку Игореве»):

И о певцах земли моей родной,
О вас, певцы отчизны незабвенной,
Услышу их приветливый вопрос,
И там и между ними буду Росс!
О Грибоедове скажу Мольеру,
И Байрону о Пушкине скажу...

Еще в 1824 году в своей статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» ("Мнемозина", 1824, ч. II) Кюхельбекер, выступая против элегии, в которой "стихотворец говорит об самом себе, об своих скорбях и наслаждениях", который «не окрыляется и не ликует» и против мелочных лирических жанров, писал о Жуковском: «Будем благодарны Жуковскому, что он освободил нас из-под ига французской словесности и от управления нами по законам Ла Гарпова Лицея и Баттева Курса, но не позволим ни ему, ни кому другому, если бы он владел вдесятеро большим перед ним дарованием, наложить на нас оковы немецкого или английского владычества! В с е г о л у ч ш е им е т ь п о э з и ю н а р о д н у ю . . . При основательнейших познаниях и большем нежели теперь трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии».

Эти мысли, сложившиеся под влиянием Грибоедова, были для Кюхельбекера основными. Через десять лет, в крепости, незадолго до написания «Прокофия Ляпунова», он хочет писать трагедию «Архилох». За эту трагедию (по сюжету напоминающую и «Аристофана» Шаховского и даже отчасти «Горе от ума») он принимался не однажды (в последний раз перед смертью; трагедия осталась недоконченной). И подлинная тоска по народной русской трагедии, возникающая при этом замысле, показывает степень реальности этих давних литературных мыслей. Незадолго до того как у него появился замысел трагедии о «Дмитрии Самозванце» и «Прокофии Ляпунове», 3 мая 1834 года он пишет племяннику Николаю Глинке, доверенному всех его литературных замыслов:

«... Мысль об Архилохе опять во мне пробудилась. —

Ты скажешь может быть:

Избавлюсь ли когда от римлян и от греков?
Бесчеловечные два племя человеков, *etc.*

Но послушай: всему есть мера: я и сам не слишком большой охотник до римлян и греков классических, то есть французских XVII и XVIII столетий; однако чем же греки, греческое баснословие (только хорошо понятое, не такое, как оно в большей частью вялых подражаниях древним), их история, нравы, обычаи — хуже, например, индусов, индийских мифов, истории их и прочего? А между тем при отвращении писателей нашего поколения от греков, явно, что многие из них очень любят пощеголять своими сведениями о востоке. Мы удалены, скажешь ты, от обыкновений, понятий, поверий греческих, — они для нас чужие. Так; да ближе ли к нам Индия, Иран, самое шотландское угорие (Highland) Вальтера Скотта? Для русского читателя все это чужое. — Конечно, лучше бы всего было, если бы создавалась у нас поэзия истинно народная. Но я лишен всех средств содействовать развитию сей поэзии. Иное дело, — если когда-нибудь буду с братом в Сибири: тогда — буде только огонь мой не совсем погаснет, даю тебе слово вслушиваться во все истинно русское, местные и общие предания, сказки, песни, ловить и тщательно

сберечь всякую черту народного характера. Быть может, плодом этих будущих моих наблюдений и будет тогда нечто истинно народное, русское. — До поры же до времени я поневоле должен жить в мире не нашем. Воспоминания? — Но какие у меня воспоминания? Я полгода и то при главной квартире прожил в Тифлисе: этого очень мало, чтоб ознакомиться с тамошними сказаниями и обычаями. В Италии — я был полтора месяца,¹ в Москве, правда, довольно долго, но тогда я должен был Стараться о насущном хлебе: для наблюдений, исследований, расспросов мне было некогда, о вашем прозаическом Петербурге уж ни слова. — Итак, предметом моей поэзии покуда должны быть не люди, не народ, — а человек. Грузином ли я его назову, греком ли, древним ли, новым ли, — желаю только, чтобы в моих изображениях, несмотря ни на какие несообразности в costume и никакие анахронизмы, могли бы узнать человека, — страсти, слабости, душу человеческую. И в этом отношении не знаю лучшего образца, чем Шекспира».

Эта откровенная авторская исповедь из крепости показывает, насколько достижение народности в литературе было для декабриста, писателя 20-х годов, делом не только конкретным, но и не легким. Поэзия истинно народная требовала изучений и наблюдений, а не давалась слету, — странническая жизнь Пушкина была сплошной цепью таких изучений. В сибирской ссылке, которая представляла больше возможностей такого рода, Кюхельбекер не забыл своих намерений: он лично (и через брата, также ссыльного декабриста) собирает материалы по сибирскому языку, местные предания и проч. Результатом этого является его обширная статья "Гора и мышь", полная полемики с Сенковским и предлагающая обогащение литературного языка путем отбора наиболее выразительного материала из живого языка. Статья предназначалась для напечатания (в виде письма к сибирскому писателю Л. С. Сельскому). Кюхельбекер использует материалы местных наблюдений и в художественной форме (таков ненапечатанный отрывок «Баргу-

¹ Во время своего западного путешествия в марте — апреле 1821 года Кюхельбекер был свидетелем Пьемонтской революции.

зинская быль»). В Сибири Кюхельбекер связывается со многими литературными деятелями: Сельским, Мордвиновым; он же горячо поддерживает первые шаги Ершова, автора «Конька-горбунка», и эта деятельность стоит в прямой связи с требованием его «народности в литературе».

Итак, стремление к народности было вместе с тем стремлением к реализму, основанному на изучениях и наблюдениях; самое понятие народности у декабриста Кюхельбекера - демократично; дело идет об изучении «местных и общих преданий, сказок», о «чертах народного характера». Условия лишают Кюхельбекера возможности этих изучений. В результате компромисса он избирает образцом в драматическом изображении «страстей, слабостей души человеческой» Шекспира.

3

«История Государства Российского» Карамзина была главным источником трагедии, — к ней восходят изображения характеров главных действующих лиц и общая связь событий: борьба Ляпунова как носителя идеи защиты и спасения отечества с дезорганизаторскими изменническими силами, каков Заруцкий, Просовецкий, борьба, приведшая его к гибели. Карамзин явился даже и с художественной стороны источником Кюхельбекера. Так, например, фраза Карамзина: «Ляпунов действовал под ножом» (то есть при непрерывных кознях Заруцкого и его сообщников) нашла себе место в тексте трагедии. Ляпунов говорит о себе брату Захарье:

Знай: под ножами действую...

Но Кюхельбекер относится к «Истории» Карамзина с точки зрения декабриста — критически. Характерна запись его дневника во время, непосредственно предшествующее работе над трагедией (22 августа):

«Добродушие и простодушие высокие доблести; только не в истории. Наш Николай Михайлович искренно верит, что Менли-Гирей требовал у Ивана III Васильевича своего брата Нордоулата (NЗ: свергнутого Менли-Гиреем с престола и с т а р ш е г о) по родственной нежности, же-

лая с ним поделиться властью, верит также, что великий князь отказал ему в этом потому, «что долг приязни есть остерегать приятеля и не соглашаться на то, что ему вредно». А я, грешный, полагаю, что Менли-Гирей требовал Нордоулата, чтоб по азиатскому обыкновению задушить его, а что великий князь не выдал Нордоулата, чтоб иметь на всякий случай, чем бы можно было и пугнуть доброго приятеля.

В этой трезвой критике сказывается реализм и самостоятельность критика - декабриста.

Ляпунов является в трагедии защитником и проводником не только национальной идеи, но и идеи демократической.

О нем говорит его враг, князь Голицын:

Голицын под рукою у кого:
У Ляпунова. А его отец,
Петрушка Ляпунов, — ведь был в холопах
У моего отца. Известно всем:
Он из простых дворян, не из московских,
Не из жильцов. — Какая, право, чернь
Выходит нынче в люди!

В трагедии подчеркнут демократически характер движения Ляпунова, и на одно из первых мест вынесен вопрос о «земледельцах» — крестьянах.

Таково уже самое начало трагедии — чтение уставной грамоты Земской Думы (в трагедии «Земской устав»). Читается только восьмая статья, строго карающая за насилия, ложившиеся главным бременем «на селения».

Таков смысл «Земского устава» в разговоре голов:

... Вот что Прокофий говорит:
Меня пускай обидят! не взыщу.
Обидеть же присягу берегись,
Да берегись обидеть земледельцев
Несчастных, разоренных: я за них
Жестокий, непреклонный, грозный мститель.

Ляпунов крут и горд со всеми, но не с людьми простыми, не с земледельцами.

Здесь особенно должна быть отмечена вторая сцена третьего действия (Кюхельбекер называет ее в письме «народной сценой»): челобитье крестьян на Просовецкого за грабежи и разоренье. Любопытно, что самое на-

звание крестьянского села — «Черные Грязи» — должно было напомнить читателю и зрителю об одном из самых сильных протестов против притеснений крестьян в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. Сцена имеет и сюжетное значение, так как влечет за собою арест Просовецкого. Любопытно, что в этой «народной сцене» крестьяне выражаются живым языком:

... подавай последние пожитки,
И лопать, и скотинку.

«Лопать, лопоть — архангельское, вятское, сибирское — верхняя одежда, особенно простая, рабочая» (Даль).

... с рожья-то румян.

Рожье — рожа, старинный северно-русский диалектизм.

Успел ли до крепости Кюхельбекер услышать эти выражения где-нибудь по дороге во время разъездов, или в Смоленской губернии, где живал у сестры? Или слышал их во время бегства из Петербурга в Варшаву; на этапах; в крепости от часовых?

Ляпунов неоднократно подчеркивает в трагедии, что он простой «думный дворянин» (в отличие от князя Трубецкого); а Трубецкой, хоть и презирает «смердов», произносит в сцене третьего действия апологию Болотникова. Он отвечает на замечание о том, что Болотников «подлый холоп»:

Болотников был воин знаменитый;
Конечно Телятевского холоп.
Да Телятевский, Шаховской и я
Его товарищем признали.

Эта окраска очень разнится от окраски, придаваемой вождю крестьянского движения Карамзиным.

Облик Ляпунова отчетливо складывается из рассеянных по трагедии отзывов о Скопине-Шуйском и Пожарском.

Во второстепенных лицах, окружающих Ляпунова (Ржевский, Ив. Салтыков), драматически проведена идея: личные интересы отступают перед долгом патриота.

Таков в особенности Ржевский, брат Ольги, подруги Ляпунова, желающий ему мстить за «бесчестье» сестры. Просовецкий и поляк Хаминский хотят его использовать для гибели Ляпунова, но Ржевский отказывается от мести.

Просовецкий о нем рассказывает:

Жертвовать России

Я всем обязан, — вот что он поет, —

И самой тяжко обидой личной.

В сцене убийства Ляпунова он прикрывает его собою. Иван Салтыков, двоюродный брат которого был казнен за измену отца, говорит:

Жаль брата! бог с ним! Я стою за Русь.

В письме к племяннику от 6 декабря 1834 года Кюхельбеке писал: «21 ноября якончил своего Ляпунова: в семь недель написать трагедию — кажется довольно честно; Танкреда Вольтер написал в шесть: но, не смея себя сравнивать с Вольтером, все же скажу, что если и не искусства, так истины и жизни в моем Ляпунове больше, чем в Танкреде. Главное, о чем я хлопотал: жизнь, истина; истина — разумеется — общая человеческая, а по сему и поэтическая. Костюмы — легко стать — может — у меня кое-где и нарушены: но если мои лица и не совершенно так говорят и действуют, как бы действовали и говорили русские, поляки, казаки XVII столетия, — по крайней мере они везде говорят и действуют по-человечески, как люди страстные, живые —... не как ангелы и не как дьяволы, а еще менее как куклы или риторические фигуры».

Гордое упоминание о Вольтере вполне объяснимо у писателя, который в своем дневнике, вслед за записью о том, что продолжает второе действие своей трагедии, пометил: «17 октября. Тому семь лет прибыл я из Ш[лиссельбург]ской крепости в Д[инабургскую]. Он и сам пишет о своей авторской самооценке: «Извини, брат, что говорю о самом себе без всяких обиняков. Я похож на кукушку из Геллертовой басни; если не сам, то кто же станет меня хвалить?»

Впрочем, здесь и черта эпохи, подвергавшей пересмотру все литературные авторитеты и не боявшейся резко о них судить.

Упоминание же о «костюмах» — один из сознательных принципов Кюхельбекера. Он — враг «археологической», мелочной точности, подменяющей «историческую истину». В письме к Пушкину, уже из сибирской ссылки, 3 августа 1836 года он писал: «Гюго талант мощный, но стулья, штаны, карнизы etc. его слишком занимают. — Что скажешь об исторической верности, о местности, на которой помещались особенно наши молодцы? Не пустое ли и глупое ребячество все это? У Шекспира анахронизмов, анатопизмов тьма...»

В итоге открывался у Кюхельбекера путь для лирического сближения эпохи описываемой со своею эпохой. В том же письме к племяннику он пишет: «Спокойствию Ляпунова противопоставлена суетность, беготня, мятежные страсти Марины, Заруцкого, Заварзина (*une espèce de Yago*), пылкость и самоотверженность Ржевского и Ивана Салтыкова, полукомические характеры Захарьи Ляпунова и формального, аккуратного, доброго, но крайне ограниченного — кого бы ты думал? — Трубецкого...»

Нарочитая фраза о Трубецком, несомненно, включает указание на другого Трубецкого — деятеля декабрьского движения, современника и соратника Кюхельбекера. Характеристика Трубецкого равно может быть отнесена и к боярину XVII века и к декабристу-аристократу.

Кюхельбекер был и остался до конца убежденным декабристом. Незадолго перед смертью, в 1846 году в стихотворении на смерть Якубовича он писал:

**Он был из первых в стае той орлиной,
Которой ведь и я принадлежал...**

Участник разгромленного декабрьского движения чувствовал глубокую родственную связь с первым патриотическим ополчением XVII века и сближал трагическую участь главных вождей обоих движений. Это сближение знаменательно. Декабристы были патриотами и чувствовали свое историческое родство, свою историческую связь с широкими патриотическими движениями прошлого (ср. «Думь» друга Кюхельбекера Рылеева).

На трагедии своеобразно отразилась борьба между поэтикой Шекспира и Шиллера, которая шла в русской драматургии 20-х годов и одним из самых горячих участников которой был Кюхельбекер. В полемике, начатой его статьей 1824 года «О направлении нашей поэзии», писавшейся под прямым влиянием Грибоедова, он выступил за «огромного Шекспира» и против «недозрелого Шиллера». Как раз перед написанием «Прокофия Ляпунова» Кюхельбекер вспомнил эту полемику, и здесь обнаружилась вся ее принципиальная глубина. В июне 1834 года, «ряде записей крепостного дневника, превращающихся в длинную критическую статью, он горячо возражает Монцелю, борющемуся против Гете и новой французской литературы. Он пишет: «Менцель приверженец идеальной поэзии и посему ее поднимает в гору; но всегда ли идеалистам позднейшим и главе их Шиллеру удавалось избежать того, что сам Менцель называет Харибдою идеалистов? Все ли действующие лица в Шиллеровых трагедиях истинные, живые люди? Нет ли между ними нравственных машин? Или, лучше, чего-то похожего на Гоцциевы маски, о которых наперед знаем, что они именно так, а не иначе, будут говорить и действовать? Не всегда на первом плане, но во всякой трагедии Шиллера это Арлекин и Коломбина — совершенный, идеальный юноша и совершенная, идеальная дева; но в природе ли тот и другая? И так ли привлекательны в поэзии их повторения? — Без сомнения, что в них более прекрасного и даже истинного, чем в бесстрастных героях старинных немецких Haupt- und Staatsaktionen; но все-таки тут есть что-то напоминающее эти Haupt-und Staatsaktionen. Очень справедливо Менцель сравнивает Шиллера с Рафаэлем: оба они поэты красоты, поэты идеала. Но, как школа Рафаэля произвела длинный ряд художников совершенно бесхарактерных, так точно и Шиллерова может произвести их и не в одной Германии; уж и произвела некоторых. Впрочем, искренно признаюсь, что в статье, которую я когда-то тиснул в третьей части Мнемозины, говорю о Шиллере много лишнего: он, как жрец высокого и прекрасного, истинно заслуживает благогове-

пия всякого, в ком способность чувствовать и постигать высокое и прекрасное не вовсе еще погасла. — Винюсь перед бессмертной его тенью; но смею сказать, что причины, побудившие меня говорить против него, были благородны. Сражался не столько с ним, сколько с пустым идолом, созданием их собственного воображения, которому готовы были поклоняться наши юноши, называя его Шиллером». И далее он говорит о признаке гениев: власти над вдохновением и над самим собою, которая предохраняет от рабствования порывам вдохновения и ведет к многосторонности. Этот признак он видит у Гете и Шекспира. В крепости в 1830 году Кюхельбекер начинает осуществлять и частью выполняет грандиозный план перевода Шекспира. Им полностью переведены: «Ричард II», «Ричард IV», «Макбет», первая часть «Генриха IV» и начат, как мы видели, непосредственно перед «Прокофием Ляпуновым» перевод «Венецианского купца». Кюхельбекер думал об издании своих переводов и написал введение к ним: «Рассуждение о восьми исторических драмах Шекспира и в особенности о Ричарде III». Разбор трагедий кончается заключением: «Не в лабрюэровских ¹ антитезах, остроумных, но мертвых, нет, в подобных портретах настоящих людей, которые дышат и движутся, должно почерпнуть познание сердца человеческого». «Рассуждение» касается, скажем кстати, не только вопроса о Шекспире, но и вопроса о методах его перевода. Ср. любопытный конец предисловия: «Английских титулатур мы не переводили слово в слово, потому что тут примешались бы понятия исключительно русские, которые составили бы странный анатопизм в английской драме. — Приведем здесь только два: *dread Lord* и *lovely Lord* — это точно значит грозный государь и ласковый государь; да при таком переводе русский скорее вспомнит о Грозном царе Иване Васильевиче и Ласковом князе Владимире, нежели о слабом Эдуарде и страшном Ричарде».

Несомненно, на массовых сценах «Прокофия Ляпунова», на второстепенных лицах трагедии отразилось долгое и внимательное изучение Шекспира. Это — самые

¹ Кюхельбекер имеет в виду знаменитую книгу «*Les caracteres*» французского моралиста Жана Лабрюэра (1688).

сильные страницы трагедии, не утерявшие своего художественного значения и теперь.

Враги Ляпунова (Заруцкий, Просовецкий) — предатели-атаманы и их споспешники, непосредственные участники убийства Ляпунова, — все они фигуры убедительные, живые и одержимы хотя и сильными, но мелкими личными страстями (недаром Кюхельбекер пишет об одном из них, Заварзине, что он «вроде Яго») — в противоположность высоким общественным страстям соратников Ляпунова, как Ржевский, Ив. Салтыков. С большим сюжетным мастерством проведена в трагедии главная интрига — подложная провокационная грамота с призывом к избиению казаков, составленная врагами Ляпунова якобы от его имени и повлекшая за собой убийство Ляпунова, явившегося для разоблачения в казачий круг.

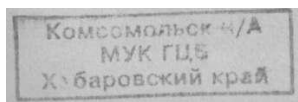
Удались и второстепенные персонажи польского лагеря. Таков иезуитический насмешник Хаминский (имя, повидимому, вымышлено и достаточно образно), удалась песня («мазурка») камеристки Марины, Лодоиски,¹ которая как бы является программой личных страстей, характеризующих, как мы видели, врагов Ляпунова:

Краков и Варшава!
Что мне ваша слава?
Только бы Людмила
Помнила, любила!

И Шекспир и Шиллер были у Кюхельбекера в руках во время написания трагедии; как мы видели, Кюхельбекер при предшествующем замысле «Григория Отрепьева» прямо отправляется от "Demetrius". В итоге — колебания и, наконец, прямое влияние поэтики Шиллера, а также заимствования из "Demetrius".

Колебания отразились больше всего на фигуре скомо-Роха Ваньки. Он оценивается Кюхельбекером как «высокий трагический характер», «мудрец», «гений укоризны, мщения и примирения под шутовскою шапкою, в полосатом кафтане забавника и с младенческою речию юродивого и полуумного», то есть в духе шиллеровских эпито-

¹ Имя и самый персонаж заимствованы из "Demetrius" Шиллера. Впрочем, во время заграничного путешествия в 1821 году Кюхельбекер видел оперу Керубини «Лодоиска».

нов. А вместе с тем он писал: «Намерение мое было представить в Ваньке не совершенно то, что у Шекспира Clown; а несчастного, в самом деле несколько помешанного, но одаренного природою остроумием и горячим любящим сердцем, сверх того когда-то веселого, беспечного и легкомысленного», то есть с совершенно реальными чертами, в духе шекспировской поэтики.

Во время работы над трагедией он читает в «Библиотеке для Чтения» анонимную критическую статью «Русские исторические драмы», принадлежавшую Сенковскому.

По обыкновению, полемизируя с ним (хоть на этот раз и не открыв его авторства, как это делает почти всегда), Кюхельбекер пишет: «Есть однако у него и индеемысли почти справедливые, например, что не должно позволять себе приписывать небывалые или недоказанные слабости и пороки героям историческим; об этом стоит подумать. Имя Ржевского я чуть ли не заменю в первом акте другим».

Подлинный реальный интерес к изображаемой эпохе сказывается у Кюхельбекера в том, например, что окончив трагедию, он не перестает интересоваться ею и своими героями. Так, 27 февраля 1835 года он пишет: «Прочел я в дополнениях к деяниям Петра Великого царствование Михаила Федоровича. За неимением ничего лучшего, рад я, что хоть из Голикова узнал некоторые подробности времени, последовавшего за смертью Ляпунова, — Заварзина звали Сидором, Просовецкого Андреем, а отчество Артемия Измайлова — Васильевич. — Не знал я, что и Измайлов был казак, вместе с Шейным». 1 марта: «Из Голикова я узнал, что не Иван Ржевский, а другой — Андрей Никитич был защитником Брянска».

Стремление к реальности сказывается почти везде в трагедии, но часто оно сталкивается со схематическими формулами ложной драматургической поэтики.

Такова обреченность главного героя. Кончив трагедию, Кюхельбекер сам вынужден был признать: «Единственный характер, который быть может несколько совсем приближается к скучному и непоэтическому совершенству. .. — сам Прокофий». Он надеялся «на некоторую

живость», которую придадут «его физиогномии» психологические черты («возвращение прежней вспыльчивости, горькие воспоминания и трагическая смерть»), а также раскаянье в низложении Василия Шуйского, но признавал, что «она конечно все останется в сравнении с прочими несколько идеальной». «Собственно героем моей пьесы Ляпунов также не может назваться, ибо мало движется, мало изменяет события: он лицо более страдательное (разумеется, в самой пьесе, а не по воспоминаниям, которые воскрешаются пьесою)». Причина этого указывается самим Кюхельбекером — это привнесение в реальную (шекспировскую) поэтику ложной поэтики трагедии рока с обреченностью главного героя. На привнесение этой поэтики, возможно, повлияли и автобиографические черты. Таковы слова Кюхельбекера о Ляпунове в трагедии: «Погибнуть он считает обязанностью, так, например, как часовой должен бы считать обязанностью погибнуть на посту своем или корабельный капитан на горящем судне». Кюхельбекер еще в 1820 году писал:

Да паду же за свободу,
За любовь души моей.
Жертва славному народу.
Гордость плачущих друзей.

Рылеев в знаменитой «Исповеди Наливайки» писал:

Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю...

Эти чувства были, конечно, еще острее в крепости, после того как декабрьское движение было раздавлено. Отсюда же и минорная сцена, кончающая трагедию. Но если отказ от чисто археологической буквальной точности позволил Кюхельбекеру с художественной непосредственностью представить движение XVII века, если ощущение родства декабрьского движения с народным движением XVIII века в борьбе за независимость русской земли придавало отдельным героям и массовым сценам силу и лирическую живость, то, разумеется, такое привнесение автобиографических черт в трактовку главного героя было закономерно.

Отразилась ложная поэтика и на привнесении в широкий ход драматической хроники сюжетных частных,

не вытекающих из характеров и даже им противоречащих. И если характеру главного героя поэтика трагедии рока повредила в драматичности и сделала его, вопреки отзывам других персонажей, инертным, то неоправданное стремление к сюжетной занимательности повело к нескольким сценам, противоречащим одновременно и общему ходу трагедии и исторической действительности.

Первые реплики Марины намечают драматическую ситуацию и заодно характер ее убедительно: слепая месть авантюристки за унижения, которым она подвергается, став наложницей Заруцкого и других. Но сюжетный замысел противоречит этому мотиву! Марина влюблена в Ляпунова; она строит козни и предупреждает его об опасности, угрожающей ему. Характер Марины как бы двоятся. Здесь уступки жанру «любовной трагедии», тогда как «Прокофий Ляпунов» задуман как историческая хроника, то есть «трагедия без любви».

Главной же ошибкой трагедии является ложная обрисовка Гонсевского как «благородного врага». Кюхельбекера здесь прельстила возможность чисто театрального изображения «рыцарства». Сцена, в которой Гонсевский также предупреждает Ляпунова об опасности (впрочем, рассчитывая его таким образом удалить), не только вносит элемент театрального эффекта, совершенно чуждый трагедии в целом, но и противоречит истории. Карамзин повествует, что не кто иной, как Гонсевский, был главным инициатором провокации, повлекшей за собою гибель Ляпунова. Записки Маскепича, также бывшие в руках у Кюхельбекера, достаточно откровенными чертами рассказывают об этом поступке предводителя польских захватчиков.

5

И, однако, несмотря на эти недостатки, трагедия Кюхельбекера воспринимается как произведение патристическое и литературно значительное. В 40-х годах, уже в Сибири, она была в руках одного ссыльного поляка, написавшего о трагедии Кюхельбекера любопытное письмо. Судя по подписи Alexandre K. и по встречающейся в сибирских дневниках Кюхельбекера фамилии

Карпинского, это Александр Карпинский. Прежде всего отметим резкость тона этого письма.

Прекрасно разбирающийся в чисто литературной стороне вопроса, польский критик обсуждает трагедию необыкновенно строго. Указывая, что характер Ляпунова модернизирован в духе современности Кюхельбекером, он говорит: «Вы знаете лучше, чем я, чем была Россия в XVII веке. Впрочем, я полагаю, что это вопрос бесспорный». Осуждая неправдоподобность пылкой любви Марины к Ляпунову, он находит ее невозможной со стороны «женщины столь гордой». Особенно возмущает его персонаж Хаминского, «переодетого поляка», который рассуждает с казаками по-латыни. «Гонсевский не мог употреблять для военных сношений подобных болтунов» (*tels bavards*). (Оригинал по-французски.)

Но главное возмущение польского критика вызывает именно сцена, в которой Гонсевский предупреждает Ляпунова об опасности, — «ночная сцена, в которой знаменитый польский командующий лично приходит уговаривать Ляпунова». «Никогда, поверьте мне, люди, облеченные властью, важные по месту, ими занимаемому, не унизились бы до того, чтобы так компрометировать свое достоинство и свою безопасность». Он язвительно замечает, что «кричащее злоупотребление поэтической вольностью принуждать такие исторические личности, как Гонсевский и Марина, разделять энтузиазм автора по отношению к Ляпунову». Он называет эту сцену необычайно резко — если принять во внимание обстоятельства переписки ссыльных — смешною. Совершенно ясно, что здесь не столько раздражение литературного критика, обнаружившего действительно слабое место, сколько задетое национальное тщеславие (в чем он и сознается в конце письма); вопрос же поставлен был в начале письма и решен безапелляционно — вопрос о России XVII века, о культурном прошлом.

Для Кюхельбекера, который говорит о «воспевшем Каялу славянине» (авторе «Слова о Полку Игореве») — как о товарище Софокла, Вергилия, Еврипида и Данта, вопрос о древности русской культуры был ясен. Он чувствовал родство между народными движениями XVII века

и революционным движением XIX века, к которому принадлежал сам. Отвергая мелочную точность «костюма», он старался постигнуть нечто гораздо более ценное, — это родство, эту связь, преемственность истории.

Литературные ошибки не затемнили этого основного смысла его трагедии, и, быть может, это было главной причиной резкости его критика.

Впрочем, и этот критик принужден признать, что в драме «много жизни и поэтому много интереса», и что она «внушена мыслью высокой и пылкой», в изображении второстепенных персонажей он признает «руку мастера», а последнюю сцену (смерть Ляпунова) — «шедевром, производящим серьезное и глубокое впечатление».

6

«Борис Годунов» Пушкина открыл в русской литературе стиховую национальную историческую драматургию. Вскоре последовали стиховые драмы Погодина, Хомякова и других. Сенковский в 1834 году напечатал в «Библиотеке для Чтения» статью «Русские исторические драмы» и «Драмы из эпохи самозванцев» — критические обзоры нового жанра. Пушкин относился благожелательно к развитию открытого им жанра, — таковы его в высшей степени сочувственные отзывы о «Марфе Посаднице» Погодина, о «Ермаке» и «Дмитрии Самозванце» Хомякова.

У Пушкина с Кюхельбекером были литературные споры, начавшиеся еще в лицее, споры дружеские и страстные, пересыпанные полемикой. Сводить эти споры только к «насмешкам» (как это делается даже в некоторых справочных изданиях) вовсе не приходится. Споры были дружеские, глубокие — и во многом плодотворные. Пушкин не только «относился критически» к произведениям своего заключенного друга. Он их издавал и печатал.

В 1831 году он пишет общему лицейскому товарищу М. Л. Яковлеву (после смерти Дельвига):

«У Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же Ижорский, также и моя баллада о Рыцаре, влюбленном в Деву... Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать».

«Ижорского» Пушкин лично издал в 1835 году. Кюхельбекер хлопотал, чтобы «Прокофий Ляпунов» попал в руки Пушкина.

Если б это случилось, нет сомнений, что Пушкин постарался бы издать трагедию друга. Вряд ли, впрочем, на сей раз удалось бы ему получить разрешение на издание, и уж во всяком случае трагедия не была бы пропущена цензурою.

Рылеев как поэт выражает поэзию декабристов до декабря 1825 года. Кюхельбекер характеризует ее после декабря. Он — представитель разбитого, но не уничтоженного движения, и таковым себя сознавал. Сидя в крепости, он верил, что его прочтут. 15 декабря 1832 года он написал в одном стихотворении:

Не весь истлею я: с очей потомства
Спадет покров мгновенной слепоты —
И стихнет гул вражды и вероломства,
Умолкнет злоба черной клеветы, —

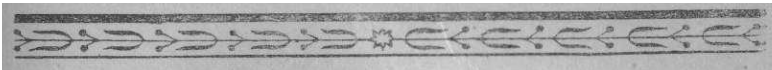
Забудут заблужденья человека.
Но воспомянут чистый глас певца,
И отзовутся на него сердца
И дев и юношей *иного века*.

ПРОКОФИЙ ЛЯПУНОВ

Т Р А Г Е Д И Я

ЗЕМЛЯНОЙ и ЧАСТЬ БЕЛОГО города ЗАНЯТЫ РУССКИМИ;

КРЕМЛЬ ЕЩЕ В РУКАХ ПОЛЯКОВ,

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА I

В Москве на Арбате. Ночь. В простой избе П р о к о ф и й диктует,
Ф е д о р Л я п у н о в и К и к и н пишут. На столе шлем Прокофья.

ПРОКОФИЙ

«Разбойный и земской приказ устроить,
Как прежде смут то было на Москве;
А кто кого убьет без приговора
Земского, самого того казнить».—
Статья последняя: «бояр же тех
Для всяких дел земских и ратных мы
В правительство избрали всей землею,
А буде те бояре не учнут
По правде делать дел земских и ратных
И нам прямить не станут, вольно нам
За кривду их сменить и вместо их
Иных и лучших выбрать всей землею».
Вот, Кикин, главное, о чем просить
Земскую думу надоумить должно.

КИКИН

Заруцкий взбесится.

ФЕДОР
Пускай себе!

КИКИН

И князь не всем доволен будет.

ПРОКОФИЙ

Князь?

КИКИН

Князь Дмитрий Тимофеич, твой товарищ.

ФЕДОР

Боярин Тушинсинский!

КИКИН

Так; но в чести
И силе он у всех, кто познатнее,
Кто починовнее, в земских полках;
И — впрочем — добрый человек.

ФЕДОР

Добрейший!

Из тех, которых (только спеси их
Умей польстить) любой злодей и вор,
Что лошадь, оседлает и погонит.

ПРОКОФИЙ

Ты весь в отца: как он, смышлен и боек,
Зато, как он, и злоречив. — Где он?
По милости Московского Синклита,
Быть может. . .

ФЕДОР

На отца надеюсь: их
Он проведет.

ПРОКОФИЙ

Гонсевский не дурак,
Не глуп Михайло Салтыков, пронирылив
Андронов, их делец.

К И К И Н

Да князь Мстиславский

Не даст им веры.

ПРОКОФИЙ

Воли им не даст?

Зарезан ими князь Андрей Голицын,
В темнице душевной старец Гермоген,
Вся выжжена с конца в конец столица,
Разграблены сокровища царей;
А что Мстиславский? подписью скрепляет
Доносы королю, на первом месте
Сидит в Синклите, кормит и поит
Гонсевского. . . Однако люди нужны:
Бог не без милости; надеюсь сам,
Захарья ускользнет из их когтей.

Ф Е Д О Р

Володя, говорим и говорим,
А между тем ведь дяде нужен отдых:
Всех впереди он до ночи глухой
Сражался, бился, разгромил злодеев,
Втоптал их в Кремль,—и что ж? не сняв и лат,
Идет и за перо — и к свету нам
Устав готов спасительный и мудрый.

ПРОКОФИЙ

(встает)

Рязанцев, Кикин, соберешь, прочтешь
Всем головам и сотникам бумагу,
О мне ни слова, будто от себя.
Признаться, бражничества не терплю;
Да так и быть: пускай зовут на пир
Людей Заруцкого и Трубецкого.
Хозяевам за труд вчерашний дать
Вина и пива.

ФЕДОР

Чтобы лучше им,
Беседуя с гостями дорогими,
Земское дело вместе обсудить?

ПРОКОФИЙ

Прощайте, дети.

Уходят Федор и Кикин.

На тебя узду
Накину, наглый атаман грабитель!
Ты выгнан из Литвы; еще вчера
Ты был разбойником, вторым Лисовским,
И резал православных христиан,
А ныне ты защитник православья,
Боярин, вождь, правитель христиан!
Всевышний да не внидет в суд со мною,
Что для спасения родной земли
Не презрел я подобного орудья!
В наш грешный век кто чист? Сравнить нельзя
С Заруцким Трубецкого: князь Димитрий
Не без достоинств — да! но как же слаб
И сколько и на нем бесславных пятен!
Что ослепил нас дерзостный Расстрига,
Простительно: святое имя он
Употребил, и первый; сверх того
И человек-то был, каких не много.
Но родовым быть князем, но гордиться
Своими предками, но знать обман —
И подлому обманщику служить,
Мерзавцу, трусу, Тушинскому вору, —
Вот для меня загадка! (Сел.) Впрочем, я
За слабость никому не судия;
Иной, быть может, и меня осудит,
Пред Шуйским, может быть, и я не прав:
Поверил я, что он убийца сына,
А на поверку вышло — клевета;
Увлекся я горячим, бурным сердцем
И согрешил; все ж не из низких видов.

Засыпает. При последних словах входят О л ь г а и
м а л ь ч и к .

О Л Ь Г А

Заснул ли он?

М А Л ь Ч И К

Боярыня, заснул.

О Л Ь Г А

Да! бурно это сердце, но горит
В нем чистая любовь к земле родимой:
В нем нет и места для любви другой. . .
Прибежищу, покрову всех скорбящих, .
Царице неба, деве пресвятой,
Прокофий, за тебя и день и ночь
Я, грешница, молюсь. А ты, жестокий,
Ты, кажется, меня совсем забыл!
Зачем тоской не делишься со мною?
Скажи мне: Ольга злее ль и Литвы
И хуже ль и Заруцкого? — О них
Ты мыслишь целый день и, засыпая,
Твердишь о них, о них. . . Желать почти
Могла бы я, чтоб ненавидел ты
Сиротку Ольгу... Ты бы хоть подумал
Тогда о ней, хоть раз в неделю вспомнил!
О, как глупа я! Мной ли заниматься
Ему, когда на рамена его
С своей судьбой оперлась Русь святая?

Начинает светать.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ

Впустите. — Прочь! не велено: назад!

О Л Ь Г А

Кто тут шумит? покоя не дадут!

М А Л Ь Ч И К

(подходя к дверям)

Боярин почивает: тише!

Г О Л О С

Мальчик,

Вели впустить: есть дело у меня

До воеводы.

М А Л Ь Ч И К

До утра, земляк,

Повремени: всю ночь писал боярин,

Работал, а вчера до самой ночи
С Литвою бился, не сходил с коня.

РЖЕВСКИЙ

(оттолкнув часовых, входит)

Прочь! говорят, впустите! место дайте!

ПРОКОФИЙ

(вскакивая)

А! что такое?

СОТНИК

Мы его держали.

ПРОКОФИЙ

Да, знать, не удержали: молодцы!
За дверь ступайте. Кто ты? Как ты смел
Войти насильно?

РЖЕВСКИЙ

(сбрасывая охабень)

Как я смел, ты видишь.

ПРОКОФИЙ

Защитник Брянска, Ржевский?

ОЛЬГА

(вполголоса)

Брат Иван!

Р Ж Е В С К И Й

Защитник Брянска, тот, кому господь
(За грех ли тяжкий?) не дал защитить
Бессрамной, древней чести рода Ржевских;
Тот, кто в плену тяжелом изнывал,
А между тем правитель православных,
Избранный на защиту беззащитных,
Сестру страдальца гнусно обольстил
И Ржевских честный дом покрыл бесчестьем.

ПРОКОФИЙ

Мне эта сказка глупая известна.
Но к обольстителю своей сестры
Зачем приходит Ржевский?

РЖЕВСКИЙ

В этих жилах
Не кровь, а молоко, когда пришел
Не за твоею кровью я.

ПРОКОФИЙ

Ты искрен,
По крайней мере; в польском полону
Ты кой-чему и научился; но —
Мы русские, и поединки, видишь,
Еще у нас в обычай не вошли. —
А сверх того, измерь меня глазами:
Под русским небом только одного
Соперника по силе мышц я знаю,
Захарью Ляпунова: он мне брат.

РЖЕВСКИЙ

И ты еще смеешься надо мною?

ПРОКОФИЙ

Нимало; только я с тобой не бьюсь.
Сядь, выслушай и будь моим судьей.

РЖЕВСКИЙ

Женись на Ольге.

ПРОКОФИЙ

Я на ней женат.

РЖЕВСКИЙ

Тогда мне голову вели отсечь
Бессмысленную с этих буйных плеч.
Вопрос последний: где же ныне Ольга?

ПРОКОФИЙ

Здесь.

РЖЕВСКИЙ

Здесь?

ПРОКОФИЙ

Бедняжка и дрожит и млеет,
Рыдает — слышишь ли? а все не смеет
К нам подойти.

(Ольге)

Что, Ольга? что, душа?
От сердца отлегло ли? К нам, в объятья!
Ты видишь: мы опять друзья и братья!

ОЛЬГА

Как мог ты?

РЖЕВСКИЙ

Прочь! мы братья? мы друзья?
Сестра моя в распутном, буйном стане?
Нет, не солгали же; клянуся: в ней
Нельзя признать мне ни жены твоей
Законной, честной, ни сестры стыдливой.
Ивана Ржевского!

ПРОКОФИЙ

Ты, брат, строптивый,
Заносчивый безумец. Но, любя
Жену, как душу, пощажу тебя.
К тому же позабуду ль об услуге,
Какую ты, отважен и удал,
Земле родимой в Брянске оказал?
Так слушай: дряхлый твой отец в Калуге
По приказанью самозванца пал...

РЖЕВСКИЙ

Не растравляй хоть старых ран сердечных;
И с новых тяжко.

ПРОКОФИЙ

Выслушай меня!
Ей, Ольге, вымолила жизнь Марина,
Взяла ее к себе. Затем и вскоре
Урусовым обманщик был убит;

И вот Мариной завладел Заруцкий.
Я между тем поднялся, кликнул клич:
Сошлись вожди; в числе их и Заруцкий
Тут у Марины Ольгу встретил я;
Мне стало больно, жаль ее мне стало;
Я от Марины, кто она, узнал
И настоял и выручил сиротку
И — с нею обвенчался.

РЖЕВСКИЙ

Уверяй!

Клевету? повод подаешь к злословью:
Зачем жену за войском водишь ты
Не по обычаям отцов и дедов?

ПРОКОФИЙ

Обычаи отцов без спору святы:
Но не всегда возможно и тому,
Кто сердцем предан им, в годину скорби,
Разврата, беззаконья, мятежей,
Без нарушения сохранить их святость.
России нужен я; а признаюсь,
Не снес бы плена Ольги: здесь и бурно,
Да безопаснее, чем где-нибудь.

РЖЕВСКИЙ

Не верю: отпусти ее в Рязань.

ПРОКОФИЙ

Не так ли? чтоб в пути перехватили?
Глупец ты! не гневи меня, ступай!

Р Ж Е В С К И Й

Умен ты, посрамитель женской чести!
Прощай: глупец идет; однако вести,
И скорой, от меня ты ожидай!

(Уходит)

ПРОКОФИЙ

Ты плачешь, Ольга, друг ты мой сердечный?
Несправедлив твой брат; но даст господь:

Опомнися. Иди в свою светелку,
Молись, и да утешит бог тебя!

О л ь г а уходит.

Прощай, душа! Пойти мне к Трубецкому,
Авось удастся: преклоню его
Уставу не противиться земскому.

СЦЕНА II

Табор. З а р у ц к и й , П р о с о в е ц к и й , З а в а р з и н ,
переодетый казаком поляк Х а м и н с к и й . Слышны
песни пирующих казаков и ратников.

П Р О С О В Е Ц К И Й

Не удалось: не тайно, не врасплох,
Нет, силою к нему вломился Ржевский.
Прогнали молодца. Теперь дурак,
Хотя не слишком верит, что Прокофий
Женат на Ольге, — вздор такой несет,
Что уши вянут! — «Жертвовать России
Я всем обязан, — вот что он поет, —
И самой тяжкою обидой личной».

Х А М И Н С К И Й

Вот истый римлянин в наш век развратный!
Vir generosus, fortis anima!
Ха! ха! ха! ха! — Привел же бог услышать
Под старость лет такую чепуху,
Какой я и у хитрых езуитов
Не слыхивал. Случалось, патер Чиж
Порой и выхваляет стариков,
Которых жизнь нам описал Плутарх,
Да никогда не опускал примолвить:
«Язычники! и жарятся в аду
За слепоту, за гордость. Всех их выше
Святый Франциск Ксаверий».

ЗАВАРЗИН

Атаман...

ПРОСОВЕЦКИЙ

Не атаман, — боярин-воевода:
Прошу не забывать.

ЗАВАРЗИН

Пожалуй! но
Ему, боярину, скажу одно:
Плутарха мы не знаем; впрочем верю,
Что плут и архиплут, как все ксензы;
Да дело в том, что ведь казак Мартыныч,
От ереси латинской он отстал,
Так вряд ли ксенз Плутарх ему поможет;
А если не поможет сам себе,
Боярствовать ему не долго.

ЗРУЦКИЙ

Знаю,
Старик, о чем ты хочешь говорить...

Несколько Стрельцов и казаков навеселе; есаул Чуп,
его поддерживает стрелецкий сотник.

ЧУП

Сердит, а молодец, где только схватка,
Где рубятся! — Да вот тебе Христос:
И наш не промах! — Э! хе! хе! Ты здесь,
Мартыныч! здравствуй!

ЗРУЦКИЙ

Здравствуй, дядя Чуп.
Гуляете?

ЧУП

Гуляем и гарцуем!
Москали Ляпуновские поят
Нас на убой... Брат, разливное море!
Ты любишь Ляпунова? а?

ЗРУЦКИЙ

Люблю.

ЧУП

Так вышей же и ты за Ляпунова!

ЗАРУЦКИЙ

Охотно. Много лет!

ЧУП

Спасибо, пане!

И за тебя вот вышьем мы теперь
По чарочке.

ЗАРУЦКИЙ

Благодарю вас, хлопцы,

ЧУП

И граматку (ну, знаешь?) подписали
Мы, есаулы. Нас с поклоном всех
Прошали Ляпуновские москали,
И мы не отказали; да и грех
Отказывать: написано красно.
И ты подпишешь?

ЗАРУЦКИЙ

Посмотрю.

ЧУП

Чай, глазки
Повыпялишь и станешь разбирать?
А мне не надо: я готов за ласки
Сто тысяч, пане, грамат подписать.
Прощай, Мартыныч.

ЗАРУЦКИЙ

С богом!

Уходят казаки и стрельцы.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Про какую.
Скажите, граматку толкует он?

ЗАВАРЗИН

Про граматку такую, Просовецкий,
Что сгубит воеводу, да и нас.
Принес я список.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Подавай: прочтем!

ЗАВАРЗИН

Да как-нибудь придумаем втроем,
Как под подкоп злодея Ляпунова
Нам свой подвесьте. Не должно мешкать нам,
Предупредим его; или не дам
(Вот бог тебе, боярин!) ни копейки
За наши три головушки и шейки.

ЗАРУЦКИЙ

Бумагу, Просовецкий, можешь взять;
К себе домой ступай ты с нею. Знаешь
Не грамотей я; ты ее прочти
Внимательно, размысли содержание,
Потом мне перескажешь. Между тем
По табору побродим мы, посмотрим,
Как молодцы пируют.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Лестно мне
Доверье воеводы.

ЗАРУЦКИЙ

До свиданья.

П р о с о в е ц к и й уходит.

Вот человечек: пуст, как шелуха!

ЗАВАРЗИН

А в атаманы вышел!

ЗАРУЦКИЙ

С рук нарочно
Я сбыл его: не для него, о чем
Осталось нам поговорить.

ЗАВАРЗИН

Бумага...

ЗАРУЦКИЙ

Я не читал ее и не прочту.
Да нет нужды: о ней давно я ведал
И ныне же к ней руку приложу.

ЗАВАРЗИН

Помилуй!

ЗАРУЦКИЙ

Не пугайся. Пьяный Чуп,
Ей-богу, прав: сто тысяч грамат смело
Подписывай; слова еще не дело.

(Хаминскому)

Решится ли Гонсевский?

ХАМИНСКИЙ

Он не прочь,
Да приуныл с вчерашней неудачи.

ЗАРУЦКИЙ

Неужто?

ХАМИНСКИЙ

И твердит, что казакам
Пристать было в пылу сраженья к нам.

ЗАРУЦКИЙ

Конечно, и тогда бы вы, быть может.
Не у ц е к а л и д о б р ж е . . . Ха! ха! ха!

ХАМИНСКИЙ

Тут не к чему смеяться: нет бесчестья
Такому многолюдству уступить.
Но ты...

ЗАРУЦКИЙ

Но я, Хаминский, не намерен
Для пана Александра с головой

Расстаться. Мне пускай спасибо скажет,
Что мы, по крайней мере, бились с ним
Довольно плохо. Если бы не я,
Не в Белый Город вторглись бы москали,
А в самый Кремль. Я хлопцев удержал
Едва, едва; судом казачьим даже
Грозили мне, а суд казачий, брат,
Короток... С ними я стравлял Прокофья;
Ему и горя мало: в ус не дует!
Околдовал их: мне беречься должно.
Однако... Да! Гуляют молодцы...
Поит их Ляпунов, чтоб подписали
Его премудрость... Хорошо! — Ты здесь
Повысмотрел наш табор? На Арбате
Стоит Прокофий: гряньте на Арбат,
Сегодня же под вечерок, дружнее;
Сегодня нас застанете врасплох.
Схватите Ляпунова, изрубите,
От Ляпунова, ради всех святых,
Меня избавьте! — Без него, ручаюсь,
И казаков склоню я.—Только чур:
Не нарушать условия.

ХАМИНСКИЙ

Пани Мнишек

Довольна нами будет.

ЗАРУЦКИЙ

Сам ты пан.

А в Кремль назад найдешь ли, брат, лазейку?

ХАМИНСКИЙ

Найду.

ЗАРУЦКИЙ

Прощай.

Уходит Х а м и н с к и й.

Ну, видишь, Заварзин?

ЗАВАРЗИН

Так, атаман; да только если, если —

ЗАРУЦКИЙ

Не повезет? Не без запаса я.
Да Расскажи, что Троекуров пишет?
Его гонец?

ЗАВАРЗИН

Жить долго приказал.

ЗАРУЦКИЙ

Проворен ты... Опять ватага валит.
Пойдем.

ЗАВАРЗИН

Доносит Троекуров, что...

Уходят, вполголоса разговаривая; входит стрелецкий рязанский голова, голова стрелецкий прежних Тушинских дружин, еще стрелец француз, Служащий в немцах, в рати Трубецкого, потом Ржевский, который останавливается отдаль незамеченный прочими.

ТУШИНСКИЙ ГОЛОВА

Что правда — правда: крут ваш Ляпунов,
Веревка у него за послушанье,
Веревка за насилье, за грабеж,
За буйство та ж проклятая веревка.
Вдобавок горд: бывает, что в прихожей
Прождет и голова и сын его,
Да и боярин; не велит к себе
Пускать в избу — и только!

РЯЗАНСКИЙ ГОЛОВА

Тут не гордость;
Дела, заботы: занят день и ночь;
Не хочет, чтоб мешали.

СТРЕЛЕЦ ТУШИНСКИЙ

Чтоб мешали?
Пустое! Он ревнив: ведь у него
Живет красотка; за нее боится,
Ее хоронит.

ВТОРОЙ ГОЛОВА

Что ж? жена его.

ПЕРВЫЙ ГОЛОВА

А разве видел ты, как их венчали?

ВТОРОЙ ГОЛОВА

Не видел, да слышал.

ПЕРВЫЙ ГОЛОВА

То-то и есть!

Р ж е в с к и й поспешно уходит.

Те часовые живы ли, скажи,
Которых бешеный осилил Ржевский?

ВТОРОЙ ГОЛОВА

И живы и здоровы.

ПЕРВЫЙ ГОЛОВА

Мудрено.

ВТОРОЙ ГОЛОВА

Ничуть. Вот что Прокофий говорит;
«Меня пускай обидят! не взыщу.
Обидеть же присягу берегись,
Да берегись обидеть земледельцев
Несчастных, разоренных: я за них
Жестокий, непреклонный, грозный мститель».

ФРАНЦУЗ

Поквально! Sacrebleu! Henry, король наш
(Ma foi! большой, славной король)... ему
Служить я месте с Jacques de Margeret, —
Henry наш то же самое твердиль.
Mais — с дамами Henry горазд ушивей.

СТРЕЛЕЦ

А что такое дамы?

ФРАНЦУЗ

Дами? Dames,

Боярины по-русски.

ВТОРОЙ ГОЛОВА

Чем же, брат,
Невежлив с ними храбрый воевода?

ФРАНЦУЗ

Невежив. Je comprends! Сказали мне:
Тот сумасшедша, тот cerveau brule
Буль брат жена Messere Прокопа.

ПЕРВЫЙ ГОЛОВА

Ну?

ФРАНЦУЗ

Бранились оба ошень, а молшать
Своей бояриня велел Прокопа.

ВТОРОЙ ГОЛОВА

И дело, не вступайся в ссоры мужа.

ФРАНЦУЗ

En France ушив обышай: дами нас
Мирят и ссорят.

СТРЕЛЕЦ

Хороши! Да что
И говорить? Сплошь нехристи все немцы.

ВТОРОЙ ГОЛОВА

Бумагу ты подпишешь?

ПЕРВЫЙ ГОЛОВА

Так и быть;
А только согласись, что крут Прокофий

ВТОРОЙ ГОЛОВА

Пожалуй, братец; в самом деле был
Приветливей покойный Скопин-Шуйский.

СТРЕЛЕЦ

Да! царствие небесное ему!
Сердечный был надёжа-воевода.

ПЕРВЫЙ ГОЛОВА

По нем рыдали самые враги.
Его злодейка тетка опоила?

ВТОРОЙ ГОЛОВА

Не знаю: общий слух; а впрочем, брат...
Входят Захарья Ляпунов и еще кто-то.

ЗАХАРЬЯ

Здорово, молодцы!

ВТОРОЙ ГОЛОВА

Захар Петрович.
Тебя ли видим? Ты ли то, родной?
Не чаяли — —

ЗАХАРЬЯ

Увидеться со мной?
Да бог привел. Где брат?

ВТОРОЙ ГОЛОВА

У Трубецкого.

ЗАХАРЬЯ

Что смотрите? Не на него ль, шального?.

ВТОРОЙ ГОЛОВА

Вестимо.

ЗАХАРЬЯ

Мне приятель дорогой.
Скажи им, Ванька, кто ты?

ВАНЬКА

Нет, спою.

ЗАХАРЬЯ

Так, спой.

ВАНЬКА

Как в московском царстве,
В русском государстве
Жил-был скоморох.
Был плясун проворный,
Был певун задорный
Ванька скоморох!
Вдруг не стало шуток
(Песен), прибауток;
Только ох, да ох!
Ах! с тоски — с кручины
Тоне стал лучины,
Весь исчах, засох!
А с какой причины
Точат грудь детины
Плач и стон и вздох?
Али кем обижен?
Белый царь пострижен,
Свел царя холоп,
Свел в тюрьму с престола...
Ох! святой Никола!
Лечь бы в темный гроб!

ЗАХАРЬЯ

Ты видишь: прежний шут царя Василья.
Теперь же полуумный и блажной.
Сидели вместе в той же мы темнице:
За песни он, которые, шатаясь
По улицам, юродствуя, певал;
Я — не за песни. Смерти ждали мы:
Уж был и день назначен; что же? Я
Стряхнул оковы, выломил решетку,
Освободил и шута и себя.
Признателен мошенник: песню в честь мне
Успел сложить! — Да полно вздор молоть;
Пора: пусть кто-нибудь меня проводит
К боярам-воеводам. Их не грех
(Скажу я мимоходом) уподобить
Орлу и лошаку и осетру,
Которых бы в одну впрягли телегу:

Тот тянет вверх, тот вниз, а осетер.
То есть Иван Заруцкий, прямо в воду.

СЦЕНА III

Великолепный шатер Трубецкого. Трубецкой, Прокофий Ляпунов, Заруцкий, боярин Иван Салтыков, окольничие князь Иван Голицын Артемий Измайлов, князя Волхонский, Литвинов, Масальский; Просовецкий, Заварзин. Посреди стол с бумагами; за пологом в другой половине готовят обед. При первых словах Трубецкого Федор вызывает Прокофья Ляпунова, который выходит и шепчется с братом вне ставки.

ТРУБЕЦКОЙ

Я бы согласен, и никто, надеюсь,
Не обвинит меня в насилиях тех,
О коих здесь помянуто.

ИЗМАЙЛОВ

Никто,
Князь Дмитрий Тимофеич, — бог свидетель!

ТРУБЕЦКОЙ

Благодарю, Артемий; но...

ПРОСОВЕЦКИЙ

К чему
Отдать себя на волю этой думы,
Которая не нами созвана?

ГОЛИЦЫН

Не всеми нами.

ТРУБЕЦКОЙ

Сверх того скажу:
Нет в думе голосов мужей Синклита,
Больших, старинных, родовых бояр.

ЗАРУЦКИЙ

Ведь Ляпунов нам объявил о них,
Что все они прельстились славой века,

От бога отступили и к врагам
Жестокосердым западным пристали
И обратились на своих овец.

ИЗМАЙЛОВ

Смеешься, атаман, а прав Прокофий:
Свободный голос трудно им подать;
Они в Кремле в опеке Сигизмунда.

Входят Ляпуновы.

ТРУБЕЦКОЙ

Нет подписи святителей великих.

ПРОКОФИЙ

Что до святителей, князь Трубецкой - - -
В темнице страстотерпец Гермоген,
Но вот Захарья, от него посланник...
Бежал из-под секиры из Кремля...
Он сам сидел в оковах, но нашел
К устам и слуху патриарха путь.
Желанье думы знает патриарх
И письменно прислал свое благословенье.
Князь, почерк ведаешь его руки:
Тут нет подлога.

(Подает бумагу.)

ТРУБЕЦКОЙ

Кто же о подлоге
И мыслить может?

(Прочитав, крестится и целует бумагу)

А! Захар Петрович!
Добро пожаловать! — позволь в тебя,
Гость дорогой, всмотреться. Мы давно
(Всею виною старый шубник Шуйский)
С Москвой расстались; в люди вышел ты
Без нас, приятель; много про тебя
Слыхали, да в лицо тебя теперь
Впервые видим... Честь тебе, Захарья!
Ты разом кончил то, что с Шаховским

И Телятевским мы предпринимали,
За что погиб Болотников; ты свел
С престола недостойного Василья.

ПРОКОФИЙ

Оставим, князь. Хотя и сам я был
Клевретом брата, а хвалиться нечем.
Чем отдавать в добычу полякам
Родную землю... Впрочем, царь Василий
Сам виноват: был слишком мягок, слаб;
Срубить бы было голову Захарью,
Да голову Прокофью и — другим, —
Сидел бы и поныне он на царстве.

ЗАХАРЬЯ

Спасибо, братец!

ПРОКОФИЙ

Не за что.

ЗАРУЦКИЙ

Шутник

Наш воевода.

ЗАХАРЬЯ

Здравствуй, пан Заруцкий!
Мы резались с тобой когда-то.

ЗАРУЦКИЙ

Да;
А, кажется, теперь друзьями стали.

ЗАХАРЬЯ

На долго ли?

(Измайлову)

Артемий, старый друг!
Ты лучше новых двух, — как говорится.

(Голицыну)

Челом от братца, князь Иван Васильич!

(Другим)

Поклон тебе, князь Федор; да и вам
Нижайший, князь Козловский, князь Литвинов!
Да полно: до поры я отложу
Приветствия... Нахмурился Прокофий.
Мешать не должно.

ПРОКОФИЙ

Дмитрий Тимофеич, Подпишешь ли бумагу?

ТРУБЕЦКОЙ

Я не прочь;
Но что другие скажут?

ЗРУЦКИЙ

Я согласен,
И мой совет: скорее подписать.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Заруцкий...

ЗАВАРЗИН

(вполголоса)

Тсс! ни слова, Просовецкий!
Подписывай.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Да, братец, на себя
Сам нож подам.

ЗАВАРЗИН

Молчи! Заруцкий знает,
Что делает.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Не понимаю вас.

ЗАВАРЗИН

Поймешь.

ИЗМАЙЛОВ

Иван Мартыныч, ты согласен?

ЗАРУЦКИЙ

И очень.

ИЗМАЙЛОВ

Искренно: я от тебя
Никак не ожидал...

ЗАРУЦКИЙ

Чего? помилуй!

Отныне никому не уступлю
В усердьи к общей пользе.

ИЗМАЙЛОВ

Дай-то бог!

ТРУБЕЦКОЙ

(подходит ко столу)

Мне ото всех не отставаться, братцы!
Быть по сему; приложим руку.

За ним подписывает П р о к о ф и й .

ЗАРУЦКИЙ

Брат,

Моя наука — сабля; не далось
Письмо мне: ты и за меня подпишешь.

Подписывают боярин С а л т ы к о в , окольничие И з м а й л о в ,
Г о л и ц ы н , З а х а р ь я Л я п у н о в , потом прочие.

ТРУБЕЦКОЙ

Князь! бояре! кончили мы подвиг
Великий, трудный: вот покорно вас
Прошу отведасть нашей хлеба-соли;
Не взыщите: что есть! что бог послал!
Ведь наше дело ратное. Однако
Найдется кое-что: меды, вино
И даже фряжское и романея.

ЗАРУЦКИЙ

Люблю я князя: истинный боярин,
Прямой москвич радушный!

ТРУБЕЦКОЙ

Что ж? идем!

Нет, правда, у меня, Иван Мартыныч,
Хозяйки ласковой, как у тебя.

ЗАРУЦКИЙ

Я — не женат.

ТРУБЕЦКОЙ

Ах! старый беззаконник!
Нас все же встретили бы у тебя
С поклоном, поднесли бы чарку, в лоб
Поцеловали бы гостей любезных,

(Прокофью)

Из них у нас, боярин, первый ты
С удалым братом... Бью я вам челом:
Вперед ступайте.

ПРОКОФИЙ

Путь нам укажи,
Князь Дмитрий Тимофеич; за тобою
Последуем.

ТРУБЕЦКОЙ

Аврамий у меня,
Разумный келарь Сергиевской лавры:
Трапезу нашу он благословит.

Уходят все, кроме С а л т ы к о в а и З а в а р з и н а.

САЛТЫКОВ

Ты скрытно дернул за кафтан меня...
Чего желаешь?

ЗАВАРЗИН

Тише! не так громко!

САЛТЫКОВ

А почему бы? тайны с казаками
Нет у меня.

ЗАВАРЗИН

Боярин Салтыков,
Тебя Заруцкий просит после пира
Зайти к нему.

САЛТЫКОВ

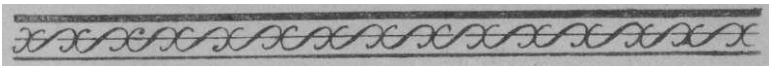
Меня?

ЗАВАРЗИН

Тебя.

САЛТЫКОВ

Зайду,
Но, признаюсь, ума не приложу,
Что общего быть может между нами.

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА I

В избе Прокофья Ляпунова. Прокофий и Захарья.

ЗАХАРЬЯ

Ты победил, Прокофий: поздравляю!
Устав твой обуздает казаков.
Теперь, признаться, ведать я желал бы
Дальнейшие намеренья твои.

ПРОКОФИЙ

Они, Захарья, и просты и ясны:
Освободить родимый край.

ЗАХАРЬЯ

А тут?

ПРОКОФИЙ

Быть верным подданным царю, кому
Господь наш бог поручит Русь святую.

ЗАХАРЬЯ

Прекрасно! только это говори
Заруцким, Трубецким... А мне ты мог бы,
Кажись, и без утайки все открыть.

ПРОКОФИЙ

Да я и не таюсь.

ЗАХАРЬЯ

Рассказывай!

Помилуй! слухом полнится земля:
Неужто даром? Господарь, державец
Рязанский, — Белый царь. .. — вот имена,
Какие носишь ты в устах народа.

ПРОКОФИЙ

Нелепый бред! бессмысленный! мутит,
Терзает душу и меня погубит,
Тогда как не легко вам заменить
Меня иным и лучшим. Впрочем, пусть!
Когда бы только кто привел к концу
Мой труд, урок, назначенный мне богом!
Пусть был бы здесь хоть прежний мой противник
(Он ревностный слуга земли родной)
Пожарский. . . Я бы менее тужил;
Пусть знал бы я, что по себе ему
В наследство дело рук моих оставляю,
Я был бы рад на отдых в землю лечь;
Его мечу и непорочной вере,
Неоскверненной в омуте злодейств
И бед неслыханных, в котором тонем,
Я завещал бы подвиг свой святой!
(Быть может, подвиг-то и не по мне:
Порой вливаются и страх и трепет
Мне в грудь, когда размышлю я о нем.)
Но, роком непостижным пораженный,
Вдруг отнятый у русских смелых сил,
Пожарский также пал, как Михаил,
Наш воевода славы незабвенной.
Да! отдыхает от смертельных ран
Младой стратиг, надежда россиян,
На Скопина похожий чистым сердцем
И разумом и доблестью души.

ЗАХАРЬЯ

Пожарский не умрет. Тебе за пиром
Надолго сам достался Трубецкой,
Хозяин, мне — Авраамий, келарь лавры,
Что прибыл к вам недавно. Рад я был:
Товарищ мне по бывшему посольству,
Товарищ и по хитрости, с какой
Он, я и несколько других отстали
От главного посла, чтобы служить
Ему вернее. . .

ПРОКОФИЙ

Братец, мне ль не помнить?
Как бог свят, многое загладил ты
И многое тебе господь отпустит
За то, что даже именем своим
Ты жертвовать решился, что решился
Прослыть изменником в глазах друзей,
Чтоб послужить им лучше и верней

ЗАХАРЬЯ

Ххмм! я себя (признаться) утешал
Тем только, что в душе панам смеялся:
Надуты, чванны, заняты собой —
А лежковерны, хуже ребятишек. . .
Да дело о Пожарском: старику-
Соседу был я рад, разговорились. . .
И он сказал мне, что Пожарский слаб,
Но есть надежда. Иноки героя,
Для безопасности, для тишины,
Для лучшего леченья и покоя,
Подале от тревог и бурь войны
Отправят, — может быть, на Волгу в Нижний.

ПРОКОФИЙ

Благодарю за весть: теперь умру
Спокойно, без забот, когда угодно
То будет господу.

ЗАХАРЬЯ

Вот бог тебе,
Тебя не понимаю! — Торжествуешь,
Противники у ног твоих, вся Русь
В твоей руке, — к земле родимой Кремль
Вновь припать готовишься мечом
И кровью поляков; ты наш Сампсон,
Ты наш Давид, ты первый человек
Под русским небом; только захотеть бы —
И без греха (ведь вымер же весь род
Царей московских) можешь взять венец
И бармы Мономаха:—между тем
О смерти мне толкуешь!

ПРОКОФИЙ

Ты в горячке! —
Прокофью Ляпунову, дворянину
Ничтожному... Ты не в своем уме! —

ЗАХАРЬЯ

А Годунов? а Шуйский?

ПРОКОФИЙ

Славный род их
К престолу ближе был, но и они
Погибли же!

ЗАХАРЬЯ

Положим, будто так;
Кто ж нами будет править?

ПРОКОФИЙ

Не поляк:
За это я тебе душой ручаюсь.
Наш долг исполнить только что на нас,
На недостойных возложил всевышний;
И жребий свой стократ благословлю,
Когда успею, но чтоб я успел,
Не слишком верю.

ЗАХАРЬЯ

Ты опять свое!

ПРОКОФИЙ

Знай: под ножами действую; знай: пасть
Мне суждено. .. Качаешь головой?
Так слушай: согласишься поневоле.
Недавно ночью я бродил по стану
И вот взглянул, и что ж? упал покров
Густого мрака, — пламя так и пышет. . .
Плещеев правил стражей; я велел
Туда немедленно, в верное село,
В тылу моих полков и полагал:
Зажгли поляки. . . Что же, боже мой!
Нашел Плещеев? все дома пылают;
А от кого? от н а ш и х казаков!
Их двадцать извергов, напав врасплох
На спавших, всех зарезали мужчин,
И вот поют и пляшут, пьют и воют,
Младенцев делят и бесчестят жен,
И ссорятся заранее за плату,
Какую от татар за них получают...
Схватили их; был должен замолчать
Заруцкий, их потачник; все вожди,
Чтоб страх навесть и на других злодеев,
Решили окаянных утопить.
Преступников Плещеев поутру
Повел на казнь; вдруг взвыл, задребезжал
Набат, и с ревом вольница сбежалась;
Вмиг закипел мятеж: Плещеев пал,
Застреленный, весь караул изрублен,
И мерзостных убийц ведут назад
Клевреты в табор с торжеством, а табор,
Как море, колыхается и вопит
И требует, чтоб выдали меня,
Чтоб голову сорвали с Ляпунова.
Я на коня и встретил казаков
И, — удалось, — смирил; да видя вялость
И малодушие лучших воевод,
Вражду и ненависть и злобу прочих,

В пылу досады (сам теперь стыжусь)
Покинул, было, буйную толпу,
Которая срамит святое имя
Отечественной рати. . . Что ж? меня
Догнали сами ж казаки и нагло,
Не без угроз, а искренно, кажись,
Молили возвратиться, вновь принять
Начальство. — Возвратился, братец, я
И вновь начальство принял; только видишь. . .

ЗАХАРЬЯ

Прокофий, вижу, что тебе давно
Захарья нужен. Ты меня умнее,
Искусный вождь, в боях неустрашим,
Великодушен, — тьма в тебе достоинств;
Но — неприветлив, слишком строг и горд.

ПРОКОФИЙ

Строг? слишком строг? Или щадить мне было
Разбойников?

ЗАХАРЬЯ

Что делать, коли нам
Никак не обойтись без них, проклятых?

ПРОКОФИЙ

Захарья, ради бога, замолчи!
Господь свидетель, никогда не буду
Злодеев подлых мерзостным льстецом:
Пусть разразит меня небесный гром,
Когда, за Русь сражаясь, позабуду
И кто я и к чему обязан! — Нет,
Мне лучше не глядеть на божий свет,
Не жить и не дышать, чем пред толпою
Грабителей и шайкой их вождей
Презрительных унизиться душою!
Пусть на суду откажет мне Христос
В спасеньи, если, низкий раб боязни,
Их ужасать грозою правой казни

Не стану, если от ножа убийц
Не стану старцев, вдов, сирот, девиц
Оборонять!

Входит сотник.

СОТНИК

Боярин Салтыков.

ПРОКОФИЙ

Просить.

Входит Салтыков.

САЛТЫКОВ

Благодарю тебя, боярин,
Что, вопреки обычаю, не час
Прождал я там среди твоих холопий.

ПРОКОФИЙ

К чему насмешки? ведаешь ты сам...

САЛТЫКОВ

Я только ведаю, что Делаярди,
Союзник твой и друг, изменой взял
Великий Новгород; что твой посланник,
Разумный, храбрый Бутурлин, бежал,
А на прощанье земляков ограбил. . .
Да ништо им, злодеям кровожадным!
Мой брат Иван Михайлыч Салтыков. . .
Всех дел его одобрить не могу;
Но пагубный пример отца, но юность. . .

ПРОКОФИЙ

Конечно; много и в земских полках
Похуже Салтыкова. Что же с ним?

САЛТЫКОВ

Посажен на кол.

ПРОКОФИЙ

Боже! быть не может.

САЛТЫКОВ

Не может быть. Положим, что я лгу;
Однако так твой верный Троекуров
Тебе доносит... Вот его письмо.

ПРОКОФИЙ

В твоих руках?

САЛТЫКОВ

Мне дал письмо Заруцкий.
Он их гонца к тебе перехватил.

ПРОКОФИЙ

Перехватил и смел сорвать печать!
Я с ним сочтусь.

(Читает)

«Из Ладожского стана
По целованью крестному людей
Житых и черных в город прибыл он;
Но, целованье преступив, его
Тогда ж схватили и...»

(Роняет письмо)

Господь свидетель:
Страдальца Салтыкова кровь падет
Не на меня! Мне тяжкиц за нее
Ответ дадут убийцы. А тебе,
Иван Никитыч, бьет челом Прокофий
И молит всех святых, да наградят
Тебя, что, и проникнут правым гневом
И ужасом и горестью обьят,
Все ж к бесталанному ко мне пришел ты,
К несчастному, которому пора. ..
Иван Никитыч, где мне взять людей?
Как бог свят! что бы ни предпринял я
Для блага русских, что бы ни придумал,
Все только в пагубу в руках глупцов,
В руках предателей! — Но раз еще:
Челом тебе строптивый бьет Прокофий,
Надменный Ляпунов готов тебе

Пред всеми поклониться до земли
За то, что без коварства ты пришел
К нему и душу высказал ему.
Клянусь: отныне враг мне Делагарди,
В моих глазах не лучше поляков.

ЗАХАРЬЯ

Твои сношенья?

ПРОКОФИЙ

С ним? Захарья, долго
Так мыслил я, как старец Гермоген,
Как ты и князь Василий,¹ что России
Царем быть должен русский.

ЗАХАРЬЯ

Брат, оставим.
Об этом мы и после потолкуем!

САЛТЫКОВ

Проникнуть в ваши тайны не хочу,
Тем боле, что шатка же дружба наша.

ПРОКОФИЙ

Нет; друг ли, брат ли, русский человек,
Тебе подобный, честный и прямой,
Пусть знает, чем другой прямой и честный,
России верный, русский человек
Хотел, было, служить сынам России!
Итак: — держался долго мысли я
Святого патриарха Гермогена,
Но — разуверился. Товарищ наш,
Рожденный здесь, и подданным, как мы,
Не усидит на царстве. Посему
По зрелом размышлении к шведам я
Решился напоследок обратиться;
Сперва отправил к ним Бутурлина,
Потом и Троекурова; у них
Филиппа Королевича просил,
Чтоб государствовать ему у нас,

1 Знаменитый князь В. В. Голицын. (Прим. автора.)

С согласия, разумеется, земского...
Условия те ж, которых не сдержал,
Да и сдержать не мог поляк-католик.
Но после злой измены Делагарди
Все кончено: на бога положусь;
Бог даст тебе царя, святая Русь!

САЛТЫКОВ

Не знаю, право, что мне отвечать. ..
Я не любил покойника и, боле,
Не уважал его; однако он
Родной же мне и звался Салтыковым:
За кровь его я мстить хотел тебе;
Пришел сюда, чтоб навсегда расторгнуть
С тобой приязнь и молвить: я твой враг.
И что же? этот самый час ты выбрал,
Чтобы меня доверием почтить
И тайну мне открыть, которой, вижу,
Узнать еще и брат твой не успел. ..
Боярин-воевода! упокой
Спаситель душу бедного Ивана
И да убавит бог ему грехов
За смерть страдальческую! — Так и быть,
Желаю верить, что в его сгубленьи
Не виноват ты; вот моя рука:
И впредь я твой помощник и слуга.

ПРОКОФИЙ

Иван Никитыч, пред святым налоем
Не с большей радостью я принял руку
Жены мне милой, как теперь твою.

Входит Ольга.

Легка ты на помине, Ольга! что ты?

ОЛЬГА

Ты занят, а вошла я, не спросясь. . .
Прости!—но долее не смела я
Не слушаться...

ПРОКОФИЙ

Кого и в чем?

ОЛЬГА

Блаженный,
Что нынче прибыл с братцем из Москвы,
Нам все стужает, просится к тебе.

ЗАХАРЬЯ

Впусти его: урод, и презабавный!

ПРОКОФИЙ

Не до уродов мне, не до блажных;
Возиться, брат, мне некогда с шутами.

(Ольге)

Повесила головушку: отказ
Тебя печалит, огорчает?

ОЛЬГА

Нет;

Но не досадай, а я к просьбе братца
Пристану. .. Чуден и угрюм, и дик,
Почти помешан, а не прост старик;
На нем, не скрою, платье шутовское,
Да, — вот вам бог! с ним страшно; у него,
Поверьте, что-то грозно-роковое
В усмешке, в голосе.

ЗАХАРЬЯ

О, хо! хо! хо!

Хоть и боюсь прослыть я святотатцем,
По-моему: он шут, да умный.

ОЛЬГА

С братцем

Не спорю. Но не гордым мудрецам
Судьбы свои всевышний открывает,
А детям, а растерзанным сердцам,
Которым детство снова возвращает,
Чтоб боль унять, чтоб скорби их пресечь.
Нескладно говорю; да наша речь,
Бояре, женская; не наше дело

Доводы, притчи. . . Только молвлю смело:
Не даром к мужу просится старик.

ПРОКОФИЙ

И ты же ведь женат, Иван Никитыч:
Подчас нельзя жене не потакнуть;
Не осуди. .. Ну, где же твой блаженный?

ОЛЬГА

Блаженный старче! потрудись, войди.
Тебя и муж и деверь ожидают.

Входит Ванька.

ВАНЬКА

Здорово, серый!

САЛТЫКОВ

Почему его
Зовешь ты серым?

ВАНЬКА

Он, небось, прослыть
Хотел бы беленьким. Пустое! поздно
И слишком рано, братец!

САЛТЫКОВ

Это как?

ВАНЬКА

А вот как: поздно, потому что он
Запачкался, и рано, потому
Что вымоют Прокофья, да не здесь!

ПРОКОФИЙ

Ты не совсем дурак.

ВАНЬКА

Дурак, дурак,
И пошлый! Умников без нас довольно:
Толстеют и жиреют, жрут и пьют

И вырастают, что твоя сосна!
Потом, подумав, лапу поднимают
И дерзкую и мерзкую на тех,
Что их кормили, холили, растили.

ЗАХАРЬЯ

Меня щелкаешь? а?

ВАНЬКА

Тебя? Не верь:
Тебе ли верить? ведь не веришь в бога.
Пространна, широка твоя дорога;
В конце же западня: да ты, мой зверь,
Мой черненький, пожалуйста, не верь;
Не про тебя! глаза зажмурь, сердечный,—
Вперед и бух, веселый и беспечный,
Бух в западню!

ЗАХАРЬЯ

И это, Ваня, мне,
Приятелю и другу? И не стыдно?

ВАНЬКА

Радею, брат, о бедном сатане;
Сам рассуди; ведь было бы обидно,
Когда б ушел ты от его когтей?
Сказать и то: кому же клясть друзей,
Как не друзьям? Да я ж не Еремей,
Я Ванька; «про себя ты разумеи»
Не мне у люльки нянюшки певали.

ЗАХАРЬЯ

А кто тебя избавил, шут? не я ли?

ВАНЬКА

В печаль меня ты вывел из печали.
По крайней мере в сытость там давали
Наохаться, нахныкаться, а здесь
Изволь шутить и тешить вашу спесь!

ПРОКОФИЙ

Меня желал ты видеть...
В чем тебе я Могу служить?

ВАНЬКА

Служить? Дай напрокат
Свою мне ручку, задуши злодея!

(Указывает на Захарью)

Не хочешь? жаль, что я не сопостат:
Тебя бы соблазнил я. — А что шея
Толста ли у тебя?

ПРОКОФИЙ

Как видишь, брат.

ВАНЬКА

Позволь ощупать шейку. . .
Только! только!
Ну, Проня, ты кругом ведь виноват.

ПРОКОФИЙ

Не спору, Ваня; — мне сказать изволь-ко:
В чем именно?

ВАНЬКА

Не слышишь ли: жужжат,
Тебе я жужжат, тебе твердят: «ты хват,
Ты наш Орел Орлович, Сокол ясный!»
А оплошал; вишь: шейки-то запасной
Себе не добыл.

ОЛЬГА

Что ты, Ваня?

ЗАХАРЬЯ

Вздор!

ВАНЬКА

Вздор, Черненький, вестимо не топор;
А вот что: пусть и челядь наши бредни,
Так все же, светик, не твоей передни.

ЗАХАРЬЯ

Толкуй, а я разделаюсь с тобой!

ВАНЬКА

Ой, батюшки! ай! режут! ай! разбой!

(Прячется за Ольгу и поет)

Не селезень за уточкой,
А шут поплыл за шуточкой;
Не селезня ж и подстрелили,
Нет, дурака поколотили,
Что больно горьки шуточки,
Не сладки прибауточки.

ПРОКОФИЙ

Не бойся, подойди: я не позволю,
Покуда жив, чтоб чья-нибудь рука
Тебя обидела.

ВАНЬКА

Итак на волю

Язык отпущен Ваньки-дурака?
Да что ты не весел? о чем тоска?
О чем кручина?

ПРОКОФИЙ

Друг, назначил долю
Мне славную и тяжкую господь:
Врагов отчизны любо мне бороться,
И душу положить за Русь святую
Готов и рад я; а тужу, тоскую,
О том я (да отпустится мне грех!),
Что все не удастся, как на смех,
Размыслить, расположить здраво, зрело. . .
Что ж? Вечно злость и глупость портят дело!
Враги? Добро бы! нет, свои, друзья!
Так, право, начинаю думать я,
Что родился без счастья, без талану.

ВАНЬКА

Нет счастья? нет талану? Не достану,
Голубчик мой, до маковки твоей:
Да кто-нибудь из ваших, из друзей

Взберется, влезет на скамью, на лавку,
И с маковки-то сдернет камилавку.

САЛТЫКОВ

Какую, брат? Кажись, он не чернец.

ВАНЬКА

Нет? мудрено! а государь отец
Ведь в чернецах же! Ваньке и венец
С поры той, — да! венец священный, царский
Сдается камилавкой, клобуком.
Венец же, свет, не то, что шлык боярский.

(Прокофью)

Ты ж шлык свой назови хоть колпаком.
Тому, в ком нет талану, шапка кстати ль?
О бесталанности твоей трубя,
Сорвут холопи колпачок с тебя,
Как сорвал Воротынский, твой приятель,
Голицын и твой братец дорогой
Венец державный с головы святой
Царя Василья. . . А за что? Василий
Вас жаловал не так, как царь Иван:
Он не жалел ни поту, ни усилий,
Он душу отдал бы, чтоб слез и ран
Нигде не видеть... Вы же? вы твердили:
«Бессчастен! бесталанен!» — а теперь. . .
Нам что с тобою делать, серый зверь?
Ведь и тебе нет счастья, нет талану?

ПРОКОФИЙ

Не в бровь, а в глаз; и не могу, не стану
Оправдывать себя. Что говоришь,
В ночах бессонных я и сам вчастую
Твержу себе. В твоём лице, старик,
Оделась в плоть моя больная совесть.
Будь близок мне: мне правду говори;
Нужна мне правда. — Плачешь, бедный Ваня?

ВАНЬКА

Как тут не плакать? вор-то окаянный!
Кто научил тебя? — И речи-то
Из уст медовых Васиньки ты крадешь.

ПРОКОФИЙ

Со мной остаться хочешь ли? — Любить
Меня не можешь; все же, Ваня, помни,
Что Русь святую столь же я люблю,
Как злополучный царь Василий.

ВАНЬКА

Знаю,
Ты, светик, любишь до того ее,
Что отнял у Василья и охотно
Запрятал бы в свой собственный карман.

ЗАХАРЬЯ

Ха! ха! ха! ха! Мошенник прелукавый!
За выходки такие, Ванька, мне
Никак нельзя с тобой не помириться!

Целует его в лоб; — вдруг несколько выстрелов.

САЛТЫКОВ

Что это?

ВАНЬКА

Огородники горох
Не в пору сеют.

САЛТЫКОВ

Неприятель!

ЗАХАРЬЯ

Ляхи!

Выстрелы ближе и чаще. Входит с о т н и к .

СОТНИК

Боярин, защищайся: дом обхвачен.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ
Где Ляпуновы? Режьте их, собак!

ЗАХАРЬЯ
Спасай жену; гостей-то примем мы.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ
За гибель сына гибель Ляпунову!
Прокофью ад и муки! мне его!
Схватить, поймать его живого.

ПРОКОФИЙ
(Салтыкову)
Брат,
Их вождь Михайло Глебович, твой дядя.

ЗАХАРЬЯ
Мне душно: на простор! К врагам навстречу!
Хочет выйти; врываются М и х а и л С а л т ы к о в , А н д р о н о в ,
Х а м и с к и й и поляки.

МИХАИЛ САЛТЫКОВ
А! пес проклятый! ты в моих руках!
Вяжите вы его с злодеем братом!

ЗАХАРЬЯ
Старик, ты бредишь: мудрено вязать
Удалых братьев Ляпуновых.

МИХАИЛ САЛТЫКОВ
Лжешь,
Разбойник! для тебя не ново: разве
Ты не был связан?

(Увидев племянника)
Ты, Иван Никитыч?
Ты в доме Ляпунова, палача,
Который брата твоего замучил?

ИВАН САЛТЫКОВ

Жаль брата! бог с ним! Я стою за Русь:
За Русь я и с отцом родным сражусь.

ПРОКОФИЙ

Михайло, пал твой сын, твой сын погиб
За грех отца, предателя отчизны:
За кровь его ты богу дашь ответ;
Я в ней невинен. Но, клянусь, Иуда,
Не попадайся в эти руки ты:
Тебя жестокой казнию замучу
В пример тебе подобным.

МИХАИЛ САЛТЫКОВ

Мне грозишь?
Ты разве слеп, безумный? ты мой пленник.

ЗАХАРЬЯ

Ты сам с ума сошел, седой изменник!
Вот доказательство!
(Рубит его.)

МИХАИЛ САЛТЫКОВ

Я насмерть ранен...

ЗАХАРЬЯ

Да?

АНДРОНОВ

Убит боярин; всех их искрошите!

ГОНСЕВСКИЙ

(за сценой)

Стой! стой!

(Входит)

Прочь, говорят! не смей
Никто и пальцем прикоснуться к пленным!

(Прокофью)

Ты не сдаешься? все твои стрельцы
Убиты; выруки не жди. Тебе

И всем твоим дарую честный плен.
Ты воин доблестный; но срама нет
Отдаться в плен, когда нельзя сражаться.

ПРОКОФИЙ

Молчи, Гонсевский: плен и Ляпунов,
Что день и ночь; их сочетать не можно.
Умру. ..

(Взглянув на Ольгу)

Но, боже трисвятый! она!

ГОНСЕВСКИЙ

А? это что? — Эй, молодцы! схватите!

ВАНЬКА

Не подходи, Литва, не подходи:
Укусит Ванька, за нее и Ванька!

ЗАХАРЬЯ

Я вас, безмозглых! Вот вам раз, вот два,
Вот третий!

(Убивает трех.)

ГОНСЕВСКИЙ

Застрелите великана!

Выстрел, **з а х а р ь я** падает.

ПРОКОФИЙ

Захарья!

ЗАХАРЬЯ

Брат, прощай; не поминай
Захара лихом. . . Свижусь ли с тобой?
Но путь мой темен... Братец, не желаю!

За сценой выстрелы.

ХАМИНСКИЙ

Поднялся табор!

ИВАН САЛТЫКОВ

Наши! наши! к нам!
На помощь, братцы! к воеводе! к нам!

ГОНСЕВСКИЙ

Избу зажгите — и назад!

ХАМИНСКИЙ

Назад!
Казак мерзавец! обманул, собака!

Врываются в избу Ржевский, Федор Лапунов, Кикин.
Прокофий выносит Ольгу. За ним пробиваются другие. Битва
продолжается.

СЦЕНА II

Арбатская площадь. Ночь. Пожар. Поляки бегут. Прокофий,
Федор, Салтыков, Кикин, воины русские и тело Захарьи.

ПРОКОФИЙ

Кто поднял вас?

КИКИН

Иван Иванович Ржевский.

ОЛЬГА

О господи, мой боже! он, мой брат!

ПРОКОФИЙ

Я рад, что одолжен ему спасеньем.
Но мой-то брат, Захар мой! Долго с ним
Делил и счастье я и горе... ныне
Стою один. . . Крепишься, Федя? плачь
И вместе радуйся: как храбрый воин
Пал твой отец. Всевышний милосерд:
Послал конец Захарье не бесславный.
Счастливей будешь и отца и дяди:
Ты молод, жить ты будешь в век иной,
В покойный век, под скипетром царя,
Назначенного господом России.
Служи ему усердно: не впадешь,

Не так ли, Федор? в наши заблужденья.
Но не теперь о них воспоминать.
Меня любил Захарья, был мне верен,
Был предан брату, как никто другой.
Где Ржевский?

КИКИН

Гонит польские дружины;
Да реже выстрелы; слабеет битва.
Воротится, и скоро. — Но идут.

Трубецкой, Измайлов и другие.

ТРУБЕЦКОЙ

Товарищ, больно мне: я опоздал;
А, слава богу! без меня отбито
Врагов коварных нападение.

ПРОКОФИЙ

Так;
Да дорого, князь Дмитрий Тимофеич,
Отпор мне обошелся. — Вот! Смотри!

ИЗМАЙЛОВ

Захарья, бедный друг! тебя ли вижу
Здесь без движения и жизни я?

ТРУБЕЦКОЙ

Был богатырь; такого молодца
Не скоро сыщешь. . . жаль! Да упокоит
Его спаситель! Исполать ему!
Прямой Болотников: такой же смелый,
Такой же и силач.

ФЕДОР

Князь Трубецкой,
С отцом покойным подлого холопа
Не сравнивай: ты тем его срамишь.

ТРУБЕЦКОЙ

Не оскорбляйся; только строг же ты:
Болотников был воин знаменитый;

Конечно, Телятевского холоп,
Да Телятевский, Шаховской и я
Товарищем его признали, Федор.
Но ты теперь в печали: я молчу.

Уносят тело Захарьи; входят Заруцкий и Заварзин.

ЗАРУЦКИЙ

(вполголоса)

Им помогли, проклятым! да узнать,
Велик ли недочет? .. Ты жив, Прокофий?
Не ранен ты? и цел и невредим?
Ну, поздравляю!

(В сторону)

Чорт тебя возьми!
Рад, рад душевно! Торопился я. . .
Да, брат, храпят бездельники с пирушки,
Насилу я, насилу собрал горсть...
Кто выручил тебя?

ПРОКОФИЙ

Мне бог помог,
Заруцкий, и два друга, от которых
Иной бы и не ждал, что мне помогут. . .
Спасибо! одного ты мне прислал.

ЗАРУЦКИЙ

Кого, любезный? Право, не припомню.

ПРОКОФИЙ

Великодушный витязь Салтыков
Стал за меня и об руку со мною
Разил -врагов, пока не подоспел
Мой храбрый шурин, благородный Ржевский.
Иван Мартыныч, ложь сплести легко,
И честных жен бесчестить клеветою,
Не трудно и письмо перехватить;
Да в пользу ли? .. Где мой гонец?

ЗАРУЦКИЙ

Гонец?

И не слышал я про гонца.

ПРОКОФИЙ

Письмо...

ЗАРУЦКИЙ

Попалось мне случайно, видно, кем-то
Обронено; мне принесли, а я,—
Не из ученых я, — к тому ж не ведал,
Что грамотка к тебе. .. Питаю, брат,
Отличное доверье к Салтыкову,
Так и просил прочесть мне, — вот и все.

САЛТЫКОВ

Поклон мой за доверье! а скажу,
Чтобы прочесть письмо к Марине, зазвал
Меня тайком полковник Заварзин.

ЗАВАРЗИН

Вольно же думать. ..

САЛТЫКОВ

Говорю: т а й к о м .

Замечу, впрочем; грамотей почище
Меня и многих этот Заварзин —
Дьяком когда-то был. А мне пришлось
Письмо прочесть его же атаману.

(Оборачивается к ним спиною)

ЗАРУЦКИЙ

Так точно! и в глаза и за глаза:
Учен, умен, проворен. . . Здесь ты, братец?
Сердись, пожалуй! — Да, умен, а плут
Мой Заварзин, мошенник, и претонкий:
Вот почему и верить его
Порой мне должно.

От него отходит и З а в а р з и н ; прочие разговаривают между
собою; подходит к нему ш у т .

ВАНЬКА

Здравствуй, осетрина!

ЗАРУЦКИЙ

Что шут ты, — очевидно; но не так
Мне ясно, почему я осетрина?

ВАНЬКА

Не ясно? а покойник-то тебя
Все осетриной величал.

ЗАРУЦКИЙ

Какой покойник?

ВАНЬКА

Да что говаривал: тот тянет вверх,
Тот вниз, а осетер-то прямо в воду.

ЗАРУЦКИЙ

Пострел же твой покойник! Как зовут?

ВАНЬКА

Теперь не кличут, не зовут. Бывало ж,
Я черным звал его, а ваш орел
Захаром, братом.

ЗАРУЦКИЙ

(дает ему денег)

На, дурак! за весть
За недурацкую. .. Убит Захарья:
По крайней мере, проглотил же ад
Хоть одного из этих Ляпуновых.
(Уходит.)

ТРУБЕЦКОЙ

(Прокофью)

Боярин-воевода, чем могу
Служить тебе?

ПРОКОФИЙ

Благодарю, боярин.

Покой мне нужен, отдых: должно мне
Собраться с духом, с силою собраться. ..
Я не дитя; однако брат — все брат.

ТРУБЕЦКОЙ

Печаль твоя мне свята... До свиданья.

ПРОКОФИЙ

Еще одно, князь Дмитрий Тимофеич:
Пришли, прошу, Аврамия ко мне;
Он другом был Захарье; пусть положит
Захарью в лоно матери земли!

ТРУБЕЦКОЙ

Прощай; Авракий будет непременно.

(Уходит со своими.)

ПРОКОФИЙ

Ушли. . . Ты, Федор, не стыдися слез,
Их не скрывай. . . Ей-богу! мне завидно:
И я хотел бы плакать, — не могу;
Здесь тяжело, здесь давит, но отрады
Горячих слез мне верно не вкусить.

Входит Р ж е в с к и й .

А! Ржевский! руку! руку! — Без тебя
И я и Ольга так же бы лежали,
Как вот теперь мой бедный брат Захар.

РЖЕВСКИЙ

(отдергивая руку)

Позволь, боярин. . . я исполнил долг
И спас не зятя, а вожда, который
России нужен.

ОЛЬГА

Братец, ты жесток!

ПРОКОФИЙ

Еще ли веришь клевете презренной?

РЖЕВСКИЙ

Не верю ей, но повод к клевете
Не должен быть моей сестрою подан.
Вчера узнал я, как в гнилых устах
Распутных ратников сквернится имя
Сестры моей. . . Я свой исполнил долг;
Ничем, боярин, мне ты не обязан:
Услышал я тревогу и вскочил;
На треск и вопли битвы поспешил,
Увлеч того, другого за собою
И, — посчастливилось, — и вождь спасен;
Но все я враг Прокофью Ляпунову.

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА I

У Марины. Марина и Лодоиска,

ЛОДОИСКА

(поет)

1

Без любви, без славы
Скучны все забавы,
Все беседы глупы,
Все утехи тупы.

2

Без любви девице
В свете, что в темнице:
Я бы без раздела
(Счастья) не хотела.

3

Без любви не в радость
Красота и младость.
Без любви и воин
Славы недостоин.

4

«Краков и Варшава!
Что мне ваша слава?»

Только бы Людмила
Помнила, любила!

Марш! вперед, жолнеры!
В честь любви и веры!
Для похвал Людмилы
Рад я в зев могилы!»

Крикнул Ян и скачет.
Вслед Людмила плачет;
В гром и ужас битвы
Шлет за ним молитвы.

Без любви, без славы — и проч.

МАРИНА

Нет, Лодоиска! эта песня душу
Терзает мне. . . Из темной глубины
Минувших дней, как будто из могилы,
Она воспоминанья и мечты
Умершие зовет и воскрешает.
О! было время... эту песню я,
И я певала в счастливом Самборе.
Переменилось, мати пресвятая!
Переменилось много с той поры:
Я, гордая, тогда цвела, блистала;
Тогда искали взора моего,
Гордились все улыбкою Марины,
Роились рыцари и палатины,
Князья и графы вокруг меня. . . Теперь —
Где ты, моя прекрасная денница?
Увяла я; грызет меня тоска
Смертельная; я двух лжецов вдовица,
Бесчестная добыча казака!—
Не пой мне про любовь, не пой про славу...
Любовь и слава! Славу и любовь
Я бросила за горе и бесславье.

ЛОДОИСКА

Царица...

МАРИНА

Не ругайся надо мной,
Над кралю злополучного расстриги.

ЛОДОИСКА

Расстрига или нет, он был царем
Помазанным, венчанным, — а вдобавок
Бесстрашный витязь, человек ума Великого.

МАРИНА

Положим, Лодоиска;
Да можешь ли то ж самое сказать
Про гнусного безумца, про бродягу,
Которого крамольники потом
Назвали тем же именем, — который
(Увы мне! стыд неимоверный!)—стал
Преемником и ложа и обмана
Зарезанного мужа моего?
Да (уж) и без того не верх ли срама
Заруцкого наложницею быть?

ЛОДОИСКА

Все это позабудется, все это
Покроется сиянием венца,
Порфирой царской сына твоего.

МАРИНА

Порфирой сына Тушинского вора!

ЛОДОИСКА

Он кровь твоя.

МАРИНА

Так! так! затем-то я
Его и ненавижу.

ЛОДОИСКА

Бог с тобой!—

Не падай духом; на престол московский
Ты возведешь его. . .

МАРИНА

Ха! ха! ха! ха!

Утратила я славу и любовь,
Покрылась я позором, поношением,
Я буду басней будущих веков,
И (верь мне: не ослепла) — уж давно
В груди моей растерзанной засохла
Надежда безрассудная; — а вот
Живу же я, я жизнь переносу!
Как? для чего? — меня что держит? — Мщенье!
Мне мщенье остается; им дышу,
Им существую; с головы до ног
Меня проникло мщенье, — вся я мщенье!

ЛОДОИСКА

И мщение готовишь? ..

МАРИНА

Всем: Москве,
Клятвопреступной, вероломной Польше,
Друзьям коварным, дерзостным врагам,
Литве и казакам и Сигизмунду; —
Для всех для них я бы желала быть
Неугасимым светочем пожара,
Источником неиссушимых слез,
Неистойвой Мегерой битв кровавых,
Орудьем гибели, бичом небес!
Обречь бы я желала посрамленью
Их жен, их дочерей, как обрекли
Они меня, царицу, посрамленью;
Желала бы повергнуть в сиротство
Младенцев их, как ввергнут мой младенец
Еще до дня рожденья в сиротство! ..
Душа моя всех, всех их ненавидит.
Всех боле одного!

ЛОДОИСКА

И он поляк?

МАРИНА

Что нужды до народа, до земли?
Везде он был бы первым: горд, как я,
Прекрасный, величавый, дивный муж,
Умен, как царь Димитрий, столь же смел
И столь же счастлив, но не легкомыслен,
Не опрометчив, как то был Димитрий!

ЛОДОИСКА

Неужто Ляпунов?

МАРИНА

Неблагодарный!

Ему я отдавала руку, сердце;
С его отвагой, с хитростью моей,
С любовью к нему земли московской
От нас бы и венец уйти не мог. . .
Но презрел он меня, — девчонку мне
Ничтожную, мне Ольгу предпочел. . .
Злодей! узнаешь: какова Марина!
Доселе тщетны были все усилья,
Напрасны все попытки: бунт кипел, —
Он устоял; разженный клеветой
До бешенства, клялся его убить
Отважный Ржевский, — что ж? он устоял,
И этот самый Ржевский спас его,
Когда придумала я новый ков,
Чтобы сгубить счастливец; Салтыкова
Вооружила я, — он устоял,
И Салтыков, как был, так и теперь
Ему слуга усердный! — Но пускай
Не торжествует: не легко ему
Исчерпать, истощить запас коварства
Марины гневной, оскорбленной им.

Входит З а р у ц к и й .

Что нового, боярин?

З А Р У Ц К И Й

Я к тебе

С веселой вестью.

МАРИНА

Лодоиска, выйди.

Уходит Л о д о и с к а .

З А Р У Ц К И Й

Мы одолеем твоего врага.

МАРИНА

Какого?

З А Р У Ц К И Й

А Прокофья.

М А Р И Н А

Почему

Ты думаешь, что Ляпунов мне враг?

Я лично не враждую никому;

Конечно, приняла участие в мерах

Против него, но сын мой на меня;

Права и польза сына налагали

Тяжелый этот долг. Пусть к нам сегодня

Пристать решится, пусть мне слово даст

Что, выгнав из столицы...

З А Р У Ц К И Й

Говори!

К чему витийство тратить по-пустому?

Уверена же ты, что Ляпунов

Ни завтра, ни сегодня не захочет

Содействовать намереньям твоим;

Он враг твой, личный враг твой: это знаю;

И мой, но только потому, что мне

Мешает.

МАРИНА

Грабить не дает?

ЗАРУЦКИЙ

Меня

Ведь не рассердишь. Впрочем и сама
Довольно ясно видишь, что Заруцкий
Не Просовецкому чета, который.
Бедняжка! бьется только из того,
Чтоб не повесил Ляпунов его.

МАРИНА

Однако, право, атаман, не худо
Об этом и тебе похлопотать.

ЗАРУЦКИЙ

Не беспокойся: кое-что придумал
Пролаз мой Заварзин. . .

МАРИНА

Казак невежа!

ЗАРУЦКИЙ

Невежа? не совсем: он грамотей.

МАРИНА

И точно! это для тебя не шутка!

ЗАРУЦКИЙ

Я не таюсь: безграмотный казак,
Да вождь я и глава бояр строптивых,
И я же преученых, преспесивых,
Претонких поляков сажал впросак.

МАРИНА

Скажи: посредством хитростей счастливых
Таких ли, например, с какою ты
Скрепил устав Прокофья Ляпунова?

ЗАРУЦКИЙ

Что делать. — Я, быть может, и не прав,
А думал, что, скрепив его устав,
Внушу к себе доверье.

МАРИНА

И обчелся!

Да я забыла: что же Заварзин?

ЗАРУЦКИЙ

Он за дверьми: сам все тебе расскажет.

Позволь ему войти.

МАРИНА

Пускай войдет.

ЗАРУЦКИЙ

И Просовецкий с ним.

МАРИНА

Покорно просим.

ЗАРУЦКИЙ

Пожалуйте, друзья.

Заварзин и Просовецкий входят.

МАРИНА

Сердечно я

Вам, атаманы, рада. — Слишком редко

Пан Просовецкий посещает нас:

Лисовского отважный победитель

Здесь должен бы быть чаще. — Заварзин?

Добро пожаловать, старик разумный!

Поверь мне! цену знаю я тебе.

Прошу же, — садьте.

ОБА

Постоим, царица.

МАРИНА

Нет, без чинов: садитесь; здесь не двор,

А стан воинский; да и лучше. — Хлопец!

Входит слуга.

Подать вина и чару. — Заварзин,

Кажись, ты русский.

ЗАВАРЗИН

Бельский уроженец.

МАРИНА

Люблю я русских; всей душою
Обычаи России почитаю.

Слуга пришел с вином; она встает, сама наливает и подает
и целует гостей в лоб.

По русскому обычаю я вас
Приветствую: друзья, здоровы будьте!

О Б А

(выпивая)

Дай, господи, царице много лет!

ПРОСОВЕЦКИЙ

(вполголоса Заруцкому)

Как милостива, ласкова царица.

ЗАРУЦКИЙ

Сказать, что баба! — голову в заклад,
Что за нее теперь в огонь и воду
Пронырливый старик готов и рад.

МАРИНА

Ты, Заварзин, — так мне сказал боярин, —
Придумал средство, как к нам наконец
Прокофья Ляпунова преклонить.

ЗАВАРЗИН

Когда о средстве говорил боярин,
Могущем Ляпунова преклонить
На нашу сторону, тогда боярин —
Не гневайся! — поболее сказал,
Чем слышал от меня, чем в состоянии
Придумать голова Заварзина,
Чем вероятно-то и сам желает

МАРИНА

А почему? по мненью моему:
Он должен бы быть рад такому другу.
Не правда ли, Иван Мартыныч?

ЗАРУЦКИЙ

Ххмм!

МАРИНА

В другое время потолкуем мы
Пространнее об этом. А теперь:
Что ты замыслил?

ЗАВАРЗИН

Замысл мой и прост;
Но знаю казаков и, — полагаю, —
Подействует: — указ бы к городам
За подписью Прокофья нам подкинуть,
Чтобы в такой-то день, в такой-то час
Ударили на казаков и всех
До одного убили без пощады.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Умна же выдумка! — и, не шутя,
Ты думаешь, что кто-нибудь поверит?
Неправду разглядит тут и дитя.

ЗАВАРЗИН

Хитер же ты! да, если глупых мерит
На свой аршин такой, как ты, хитрец. —
Хитер хитрец, но слишком, мой отец.

ЗАРУЦКИЙ

Припомни это.

(Заварзину)

Ты старик лукавый
Однако, братец, слишком груб обман.

ЗАВАРЗИН

Где тонко, там и рвется, атаман!

МАРИНА

Заруцкий, Просовецкий, — вы не правы,
И я так думаю, как Заварзин;
И мне известна чернь: не позабуду,
Какой нелепой сказкою на нас
Москву вооружил и поднял Шуйский.
Не для слепой толпы пронырства, козни
Преутонченные; не езуит
Придворный, ловкий, например Рангони.
Народ тупой и зверский возмутит.
Кто лист напишет?

ЗАВАРЗИН

А я сам, царица;
Крапивное я семя: мне легко
Подделаться под руку Ляпунова.

МАРИНА

Прекрасно! будет у тебя в долгу
Марина на всю жизнь. Да только смерти
Ничьей я не желаю: так устрой
Все дело, чтоб остался жив Прокофий.

ЗАВАРЗИН

Остался жив?

МАРИНА

(надевает на него золотую цепь)

Возьми на память, друг.

ЗАВАРЗИН

Холоп я твой, царица! — Да едва ли...

МАРИНА

Дальнейшее Заруцкому скажи;
Он все мне перескажет. До свиданья.

(Уходит)

ЗАВАРЗИН

Чтоб жив остался!

ЗАРУЦКИЙ

Брат, не хлопочи!
Сам знаешь: мало ли что говорится.

СЦЕНА II

Табор. Несколько к р е с т ь я н .

ПЕРВЫЙ

С другим боярином по стану ходит:
Мне сказывали так.

ВТОРОЙ

Узнать его
Не трудно: он плечист, высок, осанист;
Глаза большие, голубые.

ТРЕТИЙ

Так;
Да станет ли нас слушать горемычных?
Ведь и с боярами-то больно горд.

ПЕРВЫЙ

С боярами! — А с нами, сват Гаврило,
Он ласков будет; нас ему смирать
Не нужно; мы и без того смиренны.

ТРЕТИЙ

Тсс, Ермолай! идут.

ВТОРОЙ

Он, точно он!

ПЕРВЫЙ

Ретивое забилося и заныло.

Входят Прокофий и Салтыков.

ПРОКОФИЙ

Ты в Лавру хочешь ехать, Салтыков?

Крестьяне бросаются в ноги Ляпунову.

Что это? встаньте, встаньте, земляки!
Чего хотите?

КРЕСТЬЯНИН

Бьем тебе челом!

Помилуй нас, кормилец, заступи нас,
Заставь молиться богу за тебя!

ПРОКОФИЙ

Али вас кто обидел?

КРЕСТЬЯНИН

Ох! боярин!

В разор, до тла нас разоряют!

ПРОКОФИЙ

Кто?

КРЕСТЬЯНИН

А казаки. Поборам нет конца. . .

ПРОКОФИЙ

Мне жаль вас, братцы; дело разыщу.

Да за поборы мне никак нельзя

Вступаться строго: войско жить должно.

Подводов и довольно; только грех:

Не в срок приходят. Между тем ведь нужны

И корм коням и людям хлеб и харч.

КРЕСТЬЯНИН

За хлеб и харч, родимый, не стоим;

Да денежную подать наложил

На нас их старший: денежек-то нет.

Так подавай последние пожитки

И лопать и скотинку, — и грозят,

Что и ребят и баб у нас отнимут

И продадут в неволю, нас побьют,
Как кудринских, — село же наше выжгут.

ПРОКОФИЙ

Село-то ваше?

КРЕСТЬЯНИН

Черны Грязи, барин.

ПРОКОФИЙ

Кто атаман казачий?

КРЕСТЬЯНИН

Бог его,

Кормилец, знает: с рожья-то румян.

Тебя помене, рыжеват, пузан:

И, батюшки! и трое не обхватят

ПРОКОФИЙ

(Салтыкову)

Приятель Просовецкий. Я ж его!

Грабителя Заруцкий должен выдать,

И непременно.

(Крестьянам)

Братцы, не тужить!

Давать и хлеб и корм, но под расписку;

Во всем же прочем: в деньгах и пожитках

Отказывать, и смело, наотрез;

«Прокофий не велел», и все тут. — С богом!

КРЕСТЬЯНЕ

Отец ты наш! утешил ты сирот!

Дай-то господь наш бог тебе здоровье!

(Уходят.)

ПРОКОФИЙ

Вот так-то, так-то, друг Иван Никитыч!

Как только станешь думать о бедах,

О всех страданиях русского народа,
Об этих страшных следствиях войны,
Так часто сердце кровью обольется.
Несчастный селянин ожесточен
И одичал: в глазах его что ратник,
То душегубец; русский и поляк
Ему теперь почти равны, — обоих
Дрожит, страшится, ненавидит он.
А ведь с природы кроток и радушен,
И любит Русь святую, край родной,
И рад отдать бы и рубашку с тела.
Но — о другом. — Ты едешь в Лавру, брат?

САЛТЫКОВ

Так; — тело дяди я туда свезти
И там предать святой земле желал бы.
За душу грешника причет и братью
Молиться упрошу: в молитвах он
Нуждается. . . да признаюсь, боярин,
Боюсь, не отказали бы ему
И в честном погребеньи? Ведь под клятвой
Церковною скончался.

ПРОКОФИЙ

К патриарху

Доставить постараюсь письмецо:
Смиренный, милосердый христианин,
Он клятву снимет, — я уверен в том,
Хотя и оскорбил его покойник.

САЛТЫКОВ

Ты был врагом Михайлы Салтыкова:
И хочешь за него просить?

ПРОКОФИЙ

Врагом?

Противником его я был; но смертный
За смерть дерзнет ли простирать вражду?
Нуждается в молитвах. . . Кто ж из нас.
Из грешных, не нуждается в молитвах? —

Все мы цветом и вянем, как трава:
Его была чреда, он пал сегодня;
А я, быть может, завтра же паду. —
И я явлюся пред судом Христовым,
В последнем милосердьи отказав
Клеврету, искупленному, как я,
Христовой кровью, брату своему?
Идет там кто-то.

САЛТЫКОВ

Просовецкий.

ПРОКОФИЙ

Он?

Останови его.

САЛТЫКОВ

Эй, Просовецкий!

ПРОСОВЕЦКИЙ

(подходит)

Что надо?

ПРОКОФИЙ

Раз: чтобы передо мной,
Боярином и главным воеводой,
Наемник Просовецкий не дерзал
Стоять так нагло, в шапке.

П р о с о в е ц к и й снимает шапку.

Во-вторых,
Чтоб он и слово обращал ко мне,
Как следует.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Как следует? — Пожалуй,
Ты мне и в землю кланяться велишь!

ПРОКОФИЙ

Не я велю, — а сам же Просовецкий
Так станет кланяться, и вот — беда:
Ему поклоны эти не помогут.

ПРОСОВЕЦКИЙ

В чем не помогут? и зачем бы мне —
(Я вольный атаман) — так унижаться?

ПРОКОФИЙ

Читал ли ты Земской устав?

ПРОСОВЕЦКИЙ

Читал.

ПРОКОФИЙ

И подписал его?

ПРОСОВЕЦКИЙ

Ну! подписал;
Да чорт с ним!

ПРОКОФИЙ

Слышишь ли, Иван Никитыч?
Возьми его и поручи стрельцам.

САЛТЫКОВ

(кладет ему руку на плечо)

Истома Лавр Степанов Просовецкий,
Земли Московской жалованный стольник
И вольницы Черкасской атаман,
Ты пойман богом и Земскою думой:
Отдай мне саблю и ступай за мной.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Ни сабли не отдам, ни за тобой
Итти я не намерен. Что я сделал?
За что меня берешь под караул?

ПРОКОФИЙ

За хищность и грабеж.

САЛТЫКОВ

И явный бунт.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Я вольный атаман, и суд мне рада
Черкасов вольных.

САЛТЫКОВ

Русский стольник ты
И суд тебе Земская дума. — Саблю!

ПРОСОВЕЦКИЙ

Не слушаюсь: Заруцкий мне большой.

САЛТЫКОВ

И он

(указывая на Прокофья)

и князь Димитрий Трубецкой.
А впрочем, ты сюда забрел к Рязанцам:
Нам только свистнуть, и в мгновение ока
Тебя скрутят.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Боярин, дашь ответ Заруцкому и войску.

ПРОКОФИЙ

Ладно.

САЛТЫКОВ

Саблю,
Мерзавец!

ПРОКОФИЙ

Не сердись, Иван Никитыч!

Входит Кикин.

А! кстати вот и Кикин! дашь ли саблю?

ПРОСОВЕЦКИЙ

Ну, на! возьмите! — Не по силам мне...
Прокофий Ляпунов, — ты, повторяю,
Заруцкому и войску дашь ответ.

ПРОКОФИЙ

Не беспокойся. Отведи же, Кикин.

Уходят Просовецкий и Кикин.

САЛТЫКОВ

Не постигаю дерзости его!
Как? этот раболепный Просовецкий,
Подлец, дрожащий взгляда твоего...

ПРОКОФИЙ

Да, Салтыков: признаться, это странно.

САЛТЫКОВ

Я в Лавру не поеду!

ПРОКОФИЙ

Почему?

САЛТЫКОВ

Недаром этот вор так нагл и смел.
Марина и Заруцкий... Нет, не еду:
Друзьям тебя не должно покидать.

ПРОКОФИЙ

Заботливость твоя, Иван Никитыч,
Отрадна мне; но поезжай, душа:
Уже молва о том, что хочешь ехать,
Успела разнестись; когда яге вдруг
Останешься, тогда дремать не станут
Мои враги; язык их ядовит:
Начнутся толки. Бог меня хранит,
И, если в самом деле мне опасность
Грозит какая, отвратить ее

Он может, буде так ему угодно
И буде нужен я родной земле;
А не угодно, и старанья ваши
Напрасны будут. Под щитом его
Стою — и не боюсь ничего,

СЦЕНА III

Глухое место за табором.

ЗАВАРЗИН
(один)

Да! грамотки писать и мы умеем,
И чьи-то чище, хитрый грамотей,
Премудрый воевода? — Наши, правда,
Не слишком длинны, — но не без затей.
Увидим!.. Не забыл я, Ляпунов,
Твоей боярской ласки, как ты, было,
Чуть сына моего не утопил;
Я к вашим — и, спасибо! взбунтовались
И вырвали из рук твоих собак
Павлушу; только жаль: ослы потом
Испортили, что начали так лихо;
Ведь головою выдали его!
И стал я в землю кланяться тебе,
Стонал и плакал, охал— все напрасно:
Ты чуть его опять не утопил.
«И своего-де сына, — ты твердил,
— Не пощадишь бы». — Ххм! велико дело!
Дрянную деревушку запалить!
Насилу-то на просьбу Трубецкого
Сдался злодей и, наказав кнутом,
Из стана выгнал бедного Павлушу.
Да где же Просовецкий? —хлопотун!
Отправиться изволил сам к Рязанцам
Сыскать мошенника, который нам
Закабалил за горсть ефимков душу...
Не раз мерзавец службы нам служил;
Теперь, кажись, последнюю сослужит:
Пора и сбыть его; уж чересчур

Он много знает; продал Ляпунова...
Пожалуй, плут и нас ему продаст.
Все нет их... Будут... Не сошлись бы только
До времени с засадой...

Входит с о т н и к .

Хлопко, ты?

СОТНИК

Готовы молодцы.

ЗАВАРЗИН

Спасибо, братец.

СОТНИК

А что прикажешь учинить с гонцом?

ЗАВАРЗИН

Что с прежним.

СОТНИК

А устав?

ЗАВАРЗИН

Вот пустяки!

Не до устава будет Ляпунову!

Хлопот не оберется он и сам.

Спустя немного, с хлопцами засядь

Вот тут и тут! — Мои пролазы мне

Шепнули, что гонца отправят скоро.

Ступай.

Уходит с о т н и к .

Все нет их, а пора... Бояться начинаю.

Входит с т р е л е ц .

А! приятель!

Добро пожаловать! — Но ты один — Что это?

СТРЕЛЕЦ

Кланяется Лавр Степаныч,

А сам сидеть изволит.

ЗАВАРЗИН

Он сидит?

СТРЕЛЕЦ

Не присягну: быть может, и лежит;
Ему теперь спокойно, — в теплом месте.

ЗАВАРЗИН

Короче: что с ним?

СТРЕЛЕЦ

Взят под караул.

ЗАВАРЗИН

Он? А за что?

СТРЕЛЕЦ

Вот от него записка.

ЗАВАРЗИН

(прочитав)

Ну, братец, знаю, знаю! а досадно:
Какая память у меня! Представь:
Возможно ли? Забыл! — Ведь с Ляпуновым
Мы сговорились, чтобы засадил
Для виду Просовецкого, как будто
Мы с ним еще в разладе; без того
Не проведешь же наших. На! Бумагу! —
И отправляйся...

СТРЕЛЕЦ

Фрол Андреич!

ЗАВАРЗИН

Ну?

СТРЕЛЕЦ

Ведь, право, совестно: боярин мне
Отец и благодетель!

ЗАВАРЗИН

Точно так;

И больно мне, признаться откровенно,
И самому, что в грех тебя не раз
Вводил я... Вот же, милый, случай славный:
Загладить можешь все свои вины;
Мы наградим тебя и наградит
Рукою нескуюю сам боярин.
Важнейшая бумага, братец, — да!
И видишь ли? Когда ее доставишь,
Боярина от всех врагов избавишь;
Он муж великий; будет он один
Всей нашей рати полный властелин.
И это только, друг ты мой, начаток!
А дале...

СТРЕЛЕЦ

Если подлинно...

ЗАВАРЗИН

Иди!

Богатство, честь и счастье впереди.

СТРЕЛЕЦ

Прощенья просим.

ЗАВАРЗИН

(дает ему кошелек)

Вот тебе задаток.

Уходит; перед уходом встречается с засадой сотника Хлопкаи
указывает им перстом на стрелца; они прячутся.

СТРЕЛЕЦ *(один)*

Они с ним помирились; очень рад.
Да так ли? правда ли? Христе мой боже!
Ах! Если бы! . . Скопил я кое-что;
Война не продолжится; как возьмут

Столицу воеводы, — я тотчас
В Рязань к своей Параше, и грехи
Молитвой, покаянием, постом
Очищу — да! — и заживу потом...
Но что бы ни было, — пора! пора!
Вперед я не отважуся на дело,
Которое и душу-то и тело
(И сам я знаю) может погубить.
Ох! стыдно мне и тяжело! мне ль служить
За деньги этим казакам? — Боярин
Меня взрастил, он кормит мать мою,
Сестер пристроил... Как неблагодарен,
Как гнусен я! — Его я предаю...
Так предал спаса мерзостный Иуда...
Довольно! полно! Только бы оттуда
Здоровым воротиться этот раз,
Даю зарок: отстану от проказ.
Вот бог вам! буду человеком честным!
Мне грустно, больно грустно... Неуместным
Сомненьем, правда, ныне мучусь я:
Они теперь с боярином друзья;
Так, стало, я сегодня не изменник.
Пойду же!

ХЛОПКО

(выскакивает с своими)

Стой!

СТРЕЛЕЦ

Да что вы?

ХЛОПКО

Стой, мошенник!

Бездельник, стой!

СТРЕЛЕЦ

Пустите!

ХЛОПКО

Ни на шаг!

СТРЕЛЕЦ

Чего хотите?

ХЛОПКО

Мы? Твоих бумаг;

Потом же, свет, хотим тебя повесить.

СТРЕЛЕЦ

Помилуйте! Побойтесь бога!

ХЛОПКО

Шут!

Кобениться ты вздумал, куролесить?

Э! не ребячься! и с чего бы тут

Так пятиться и вздрагивать и биться?

Тут ничего неслыханного нет:

Со всяким, братец, может то ж случиться.

Тащите!

СТРЕЛЕЦ

Дай мне молвить слово!

ХЛОПКО

Свет,

Нам некогда твои рассказы слушать:

Ведь ужин ждет нас; нам-то время кушать,

Тебе висеть. Тащите!

СТРЕЛЕЦ

Заварзин

Вам скажет...

ХЛОПКО

Уже сказал нам все, что нужно:

«Не принимайте никаких причин!»

Прощай, сыночек! право, недосужно.

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА I

У М а р и н ы . Она одна.

МАРИНА

Так! Есть предчувствия, и этот раз
Мне вещий голос говорит: удастся. —
Что ж трепещу? что млею? — Час настал,
А я дрожу, колеблюсь. — Сердце, сердце!
Никто еще тебя не разгадал...
Давно ль? — Казалось, — самый труп его
Я, женщина, а зрела бы с весельем;
С какой жестокостью в груди своей
Я заглушала внутренние вопли!
Я очень поняла недоуменье
Кровавое Заварзина, — и что ж?
Не отвечала! и мой враг падет: —
И вот же в самых этих слабых персях
Любовь и боль и жалость! — Внять кому:
Любви ли скорбной? дикому ли мщенью?
При прежних замыслах одолевал
Тоску и состраданье гнев: напрасны
Все козни будут. Зная это, я
С досады разрывалась. Но скажу ль?
Притом была и радость: да! — ему
Грозила я, явить ему желала,
Что быть и я опасною могу,
Что презирать меня не должно... только!

Мои орудья были благородны:
Отважный Ржевский, храбрый Салтыков,
Земляк мой, доблестный Гонсевский — мужи
Не низкие, способные понять
Величье и врага; он непременно,
Я ведала, обезоружит их.
О гибели твердила, правда, я,
О мести, о кровавом воздаянии...
(Безумные, проклятые слова!)

Но искренно: слова словами были,
Не боле!.. А теперь?— Мой гнев потух,
Но между тем беспечный Ляпунов
В руках безжалостных, в руках злодеев
Бессовестных, бездушных. . . боже мой!
И я, и я сообщница чудовищ!
Совсем ли добрый ангел мой меня
Покинул? и совсем ли темным силам
Немилосердным я принадлежу?

(После продолжительного молчания)

Заруцкий! вырву из твоих когтей
Ужасную бумагу; — жертву их
Из самой пасти кровопийц исторгну...
Во что бы ни было, спасу вожда,
Твою надежду, русская земля!
Твою последнюю любовь, Марина!

Слышны выстрелы; входит З а р у ц к и й

ЗАРУЦКИЙ

Царица, слышишь?

МАРИНА

Слышу я пальбу;

А что такое?

ЗАРУЦКИЙ

Хлопцы поднялись,
Мягутся, рвутся, воют, словно звери
Голодные, которых бы с цепи
Спустили. — Исполать тебе, Марина!

Заткнула за пояс меня!
Вы оба: окаянный Заварзин
И ты, родная, заварили кашу
Такую прегустую, что ее
Не сварит и железная утроба.

МАРИНА

Распущена бумага?

ЗАРУЦКИЙ

Как же! С нею
Схватили казаки гонца, стрельца
Рязанского; недолго молодца
Сердечные томили: в петлю шею —
И поминай как звали; а печать
Сорвали с грамоты и ну читать!
И начитались — слышишь ли? на славу!
Был нужен подлинник, чтоб и другим,
Вот Трубецкому например, — забаву
Доставить. . . Верь, не верь: насилу с ним
Читатели расстались. — Ты бледнеешь?

МАРИНА

Заруцкий, поспеши утишить бунт.

ЗАРУЦКИЙ

Слуга покорный! Я убил холопа
Прокофьева и должен поддержать,
Что начал, мятежом.

МАРИНА

Себя погубишь!

ЗАРУЦКИЙ

До вечера погибнет кое-кто,
Да не Заруцкий: казаки ударят
С лица на Ляпунова, — поляки

(Уведомил Гонсевского Хаминский)
С боков и с тыла: слошим молодца!

МАРИНА

А Трубецкой?

ЗАРУЦКИЙ

Князь Дмитрий Тимофеич,
Почтенный муж, в большом недоумении,
Наверно так толкует: «казаков
Мошенников избаловал Заруцкий,
Не держит их в руках!» Тут наша знать,
Иван Голицын, тайный враг Прокофья,
С товарищи, — ну дакать, ну качать
В раздумьи головами, — так и вижу
Друзей сердечных! — Салтыкова нет,
Измайлов по запасные полки
Отправился в Коломну; я без них
Врага ухлопаю; потом, пожалуй,
Хоть навзрыд буду плакать.

МАРИНА

Лист-то где?

ЗАРУЦКИЙ

А вот.

МАРИНА

Отдай мне.

ЗАРУЦКИЙ

Да тебе на что?

А мне-то он на всякий случай нужен,
Чтоб обличить злодея.

МАРИНА

Не отдашь?

ЗАРУЦКИЙ

Нет, не намерен.

МАРИНА

Хорошо ж, разбойник!

ЗАРУЦКИЙ

Мне не грози; припомни лучше то,
Что без меня как застрелил Урусов
Жида, цыгана, мужа твоего,
И ты бы не спаслась с своим исчадьем.
Твой благодетель я; ты мной одним
И держишься.

МАРИНА

О сердце! разорвись!
Ах! заклинаю: разорвись скорее!

Падает в обморок. Вбегает Лодойска.

ЛОДОЙСКА

Царица! Боже мой! — стыдись, Заруцкий!
Бесчеловечный!

ЗАРУЦКИЙ

Пустяки: пройдет!—
Эй, кто там? люди, эй!

Входят слуги.

Больна царица:
В опочивальню перенести ее.

Уносят Марину. Один.

Нашла коса на камень... чересчур
Перехитрить изволила. Насквозь
Голубушку я вижу... Ляпунов
Ей враг, а между прочим за него
Отдала б и три дюжины Заруцких,
Но — ожидает мудрый Трубецкой;
Понаскажу ему такие сказки,
Что и Болотникова поминать,
Да и про бар больших твердить не станет.

СЦЕНА II

Табор Трубецкого. Несколько стрелцов и казаков.

Слышны выстрелы.

КАЗАК

Всех казаков убить!

ДРУГОЙ

По всей Руси!

ТРЕТИЙ

В один и тот же день!

СТРЕЛЕЦ

Да так ли, братцы?

КАЗАК

Не верит ничему, Фома неверный!

ДРУГОЙ

Бумагу же читали при тебе.

Али не слышал?

СТРЕЛЕЦ

Слышать-то я слышал;

Но не поклеп ли?

КАЗАК

Вот еще! поклеп!

Ведь Просовецкого он засадил же.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦ

Проведать бы: за что?

КАЗАК

Что тут проводить?

Известно, что мешал.

Входит Ч у п .

ВТОРОЙ КАЗАК

А, дядя Чуп!

ЧУП

Где ваши сотники? где голова?
Стоите здесь без дела. . . Стыд и срам!
Не отставайте, дурни, от своих!

СТРЕЛЕЦ

А на кого? — На Ляпунова — что ли?

ЧУП

На Ляпунова? Чорт тебя возьми! Когда тебя обидел
Ляпунов?

КАЗАК

Он казаков обидел. Казаки...

ЧУП

Да! Думали схватить врасплох Прокофья;
Не тут-то было; глядь: стрелыцы в ружье!
Пошла сначала с ними перебранка,
Кричали хлопцы: «выдайте его!»
Молчат; не выдают. Тут удалыцы,
Казачья молодежь, народ горячий,
Не вытерпели, принялись стрелять
И . . . закипело!—Что же? — как на грех,
Откуда ни возьмись, вдруг поляки.

СТРЕЛЕЦ

Как Поляки?

ЧУП

Им, брат, зевать? Не так ли?
«На поляков, ребята! на врагов! —
Тогда завопил нам же Ляпунов, —
Отложим ссоры; к вам на суд явлюсь.
Вперед! на поляков!» — И бросились
Все мы, обиды позабыв, на ляхов.

Меня завидел, подозвал: «Старик,
Скорее в табор, к князю Трубецкому».
Сказать хотел я что-то: он взглянул
И я — оторопел я, — вот я здесь.
На поляков же, братцы, в самом деле!

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ

(верхом)

В ружье, ребята! стройтесь! на врагов!

Войско собирается.

ВСЕ

Ура! вперед! На поляков безмозглых!

СЦЕНА III

Арбат. Сражение. Сходят с коней Л я п у н о в и Т р у б е ц к о й .

ПРОКОФИЙ

Враги бегут, не смеют и озреться.
Спасибо, князь Димитрий: этот день
Тебе принадлежит.

ТРУБЕЦКОЙ

Хвала вождя такого,
Как ты. лестна мне. Только казаки...

ПРОКОФИЙ

И казаки дрались не хуже наших.

ТРУБЕЦКОЙ

Не спорю; да горазды бунтовать.

ПРОКОФИЙ

Сегодня, брат, за храбрость им прощаю.
Мы помирились.

ТРУБЕЦКОЙ

А бумага?

ПРОКОФИЙ

Что ж?

Подложная.

ТРУБЕЦКОЙ

Конечно, без сомненья;

Однако...

ПРОКОФИЙ

Дале?

ТРУБЕЦКОЙ

С подписью твоей.

ПРОКОФИЙ

А разве князь Димитрий Тимофеич
Не слыхивал, чтоб подпись чью-нибудь
Подделывать можно? — впрочем...

ТРУБЕЦКОЙ

Друг ты мой!

Я уже сказал и повторяю: верю.
Тебе оправдываться предо мной
Не надобно;—но казаки...

ПРОКОФИЙ

Заруцкий

Мутит их.

ТРУБЕЦКОЙ

Ты опять несправедлив.

Иван Мартыныч, право, — добрый малый;
Быть может он не дальнего ума.
Зато и прям и честен. — У меня
Он был же и с бумагой. Брат, казак!
Невежа! — Не сердись! Сначала он
И верил и не верил... Сам ты знаешь:
Все эти смерды, — если даже им
И повезет, глупцами остаются.
Таков был и Болотников. Заруцкий

Еще тупее. Долго бился я,
Но вот же напоследок он сдался.
Мы вышли вместе: я к своим полкам,
Которые сбежались на тревогу,
Заруцкий к казакам, чтоб их унять;
Да ты, удалый, упредил его:
Мятежников свирепых, разъяренных,
Готовых растерзать тебя, ты в миг
В воителей послушных претворил.
Сказать, что хват! — одно нехорошо. . .

ПРОКОФИЙ

Что?

ТРУБЕЦКОЙ

Слово-то: «иду на суд казачий».

ПРОКОФИЙ

Да и пойду: давно желаю я
Судиться с ними.

ТРУБЕЦКОЙ

Щекотливо, братец!

Совет мой: лучше слова не сдержи.

ПРОКОФИЙ

Боярин, слово данное мне свято.

ТРУБЕЦКОЙ

И мне не мене. Все же, Ляпунов,
Есть случаи. Но так и быть: не спорю;
По крайней мере, наперед не худо
Их преклонить на сторону свою.

ПРОКОФИЙ

Их преклонить?

ТРУБЕЦКОЙ

Да; например: сидит
Повеса Просовецкий у тебя.

Так выпусти его, и все, поверь,
Признательны за снисхождение будут.

ПРОКОФИЙ

Признательны за подлую потачку
Грабителя? — Ты шутишь, Трубецкой!
Нет, Просовецкий пусть сидит, пока
Приказ Разбойный не решит законно
Судьбы его.

ТРУБЕЦКОЙ

Что делать с ним, упрям,
Погибнуть хочет, — жаль мне, а погибнет!

(громко)

Прощай, товарищ.

ПРОКОФИЙ

Князь, прощай. Тебе
За помощь я сердечно благодарен.

ТРУБЕЦКОЙ

Не стоит: не за что.

(Про себя)

И точно я

Боюсь, что не за что! тяжел сердечный!
Ведь в пропасть так и лезет! жаль его.

СЦЕНА IV

У Марины. М а р и н а и Л о д о и с к а .

ЛОДОИСКА

Наряд мужской тебе к лицу, царица.
Как хорошо, что надеваешь ты
Наряд подобный редко, а иначе
В тебя бы я влюбилась!

МАРИНА

Не шути!
Друг, мне тяжелый подвиг предстоит:

С ним говорить, кого с такою страстью,
С таким безумством я любила, кем
Я презрена, кого я оскорбляла
Так часто и так больно. . . Говорить с ним!
Добро бы не напрасно! Но надменный
Отвергнет мой совет, мои мольбы,
Как им отвержена любовь Марины...
К тебе взываю, боже трисвятый!
О! преклонись на слезы и рыдания,
На слезы грешницы! Моим устам
Пошли ты силу, дай им убежденье!
Он гибнет: попусти его спасти!

ЛОДОИСКА

Тяжел твой подвиг; но, царица, вспомни:
На что отваживалась прежде ты. . .
Ты ведь не то, что мы: мы робки, слабы,
А тут в твоей груди живет душа
Могущая.

МАРИНА

Зачем я не была
Всегда, как вы, робка, как вы, бессильна?

ЛОДОИСКА

Наряд твой воскресил передо мной
Чудесный день: надменный, дерзкий гетман,
Наглец Рожинский, изменил; хотел
Предать Марину в руки Сигизмунду;
Но ты в мужской одежде на коне
Из Тушинского стана усакала...
О! как ты хороша была, когда
Явилась в Дмитрове перед Сапегой!
Прекрасный отрок всех обворожил:
Все на тебя, едва дыша, взирали.

МАРИНА

Довольно! полно! — Пал мой гордый дух,
От сладкой лести отвращаю слух,
Которой слишком я внимать любила.
Но права ты: нужна, нужна мне сила;
Иду в неимоверно трудный бой!

Смягчи на миг, о совесть! угрызенья,
Нужна мне бодрость; — вечность пред тобой...
Дай срок, потом удвой свои мученья!

СЦЕНА V

У Ляпунова. Прокофий и Ольга.

ОЛЬГА

Прокофий! ты ли?—Слава, слава богу!
Как я ждала, как трепетала я!
Был каждый выстрел в сердце мне направлен,
Мне прямо в сердце каждый попадал
Я с каждым умирала.

ПРОКОФИЙ

Друг ты мой!

И я всевышнего благодарю,
Что дал еще мне видеть эти очи,
Что эту руку я прижать к груди
Могу еще!—Устал я: сядем, Ольга.—
Здесь свет приветный, тихий, здесь тепло;
А за дверьми совсем уже стемнело
И холодно и бурно — дождь сечет
И ветер свищет. . . Этот уголок
И эта ночь ненастная мне притча,
Судьбы моей подобье: холод, мрак
И буря за дверьми в быту житейском;
А здесь у сердца твоего мне блещет
Отрадный свет, и душу теплота
Живит и греет. — Отчего ты плачешь?

ОЛЬГА

Прости мне глупой! Ах! таких речей
Давно я не слыхала; мне казалось,
Что разлюбил меня ты, что тебя
Я верно чем-нибудь да огорчила.

ПРОКОФИЙ

Прощать не мне: я очень виноват;
Мою вину ты отпусти мне, Ольга!

ОЛЬГА

Дела тревоги...

ПРОКОФИЙ

Нет; и средь тревог
Все ж время я бы удосужить мог,
Чтоб доказать, как дорого ценю я
Твою любовь. — Но, Ольга, жребий свой
Связала ты со жребьем человека,
Который от рождения лишен
Завидной легкости и чувств и мыслей:
Не скоро в старой голове моей
Докучливые думы засыпают;
Не скоро в жестких персях крик забот
И гнева и досады может смолкнуть...
С другим бы ты счастливее была,
Чем с этим Ляпуновым.

ОЛЬГА

Ради бога,
Супруг и господин мой!

ПРОКОФИЙ

Тяжкий грешник,
В бездонном тайнике души мятежной
Я змия властолюбия вскормил;
Так! с детства самого всегда, повсюду
Быть первым я хотел; — и видел бог,
Послал мне власть, — и отравила власть
Все наслажденья, все утехи сердца.

(Подходит к окну)

Заслонено грядой темных туч,
Погасло солнце долго до заката;
Его заката не видал я . . . Жаль! —
Скажи мне: может ли из смертных кто
Назвать своим безвестный, нерожденный,
Грядущий час? Сама ты знаешь: день,
Который звуком з а в т р а именуем
Ни мой, ни твой.

ОЛЬГА

Все это знаю; — но. .

ПРОКОФИЙ

Простертых на земле я видел многих
Сегодня, друг, холодных и немых,
А все считали: «завтра то и то
Начнем мы или кончим»...

ОЛЬГА

Ты из битвы

Не раз без дум подобных приходил.

ПРОКОФИЙ

И был не прав: полезна мысль о смерти.

Входит К и к и н .

КИКИН

Боярин, на цепи ко мне явился
Какой-то польский латник и спросил,
Не Федор ли я Ляпунов? — «Я Кикин,
Рязанский дворянин», — был мой ответ.
«Рязанский? — Так веди ж меня, немедленно,
К боярину», — промолвил воин так,
Что в самом голосе, слышу:
«Покорствуй! я привык повелевать».

ПРОКОФИЙ

Поляк? чего от Ляпунова хочет?
Зовут его?

КИКИН

Мне не сказал прозвания,
Да и наличник шишака его Опущен.

ПРОКОФИЙ

Может быть, переодетый
Земляк наш, пленный, или втайне нам
Усердный из бояр Московской думы?
Качаешь головой?

КИКИН

По речи он
Не русский; говорит-то он и чисто,
А все заметно, что не наш.

ПРОКОФИЙ

Впусти.

О л ь г а уходит. К и к и н выпускает п о л я к а и хочет идти.

Владимир Кикин, здесь останься.

(Поляку)

Кто ты?

И с чем пришел?

ПОЛЯК

К тебе, пан воевода.

ПРОКОФИЙ

Так говори ж!

ПОЛЯК

Пусть выйдет наперед.

ПРОКОФИЙ

Нет, он не выйдет.

ПОЛЯК

Или ты боишься
Со мною быть глаз на глаз?

ПРОКОФИЙ

Ты смешон:

И русским я и полякам известен; —
Но Кикин верный сын родной земли,
О н д о л ж е н быть свидетелем беседы
Прокофья Ляпунова с поляком.

ПОЛЯК

Ты мне не доверяешь, пан Прокофий?

ПРОКОФИЙ

Тебя не знаю.

ПОЛЯК

(подняв наличник)

Знаешь ли теперь?

ПРОКОФИЙ

Гонсевский! и в Рязанском стане ты!

ГОНСЕВСКИЙ

Ты видишь.

ПРОКОФИЙ

Но?

ГОНСЕВСКИЙ

Другому никому

Не смел я поручить, о чем тебя

Уведомить обязан. — Слушай: руку

Охотно правую себе бы дал

Я отрубить, когда бы мог тебя

В стенах кремлевских видеть нашим пленным.

Не скрою: я и с личными твоими

Недоброхотами из здешних был

В сношениях, чтоб схватить тебя врасплох

Но низкое убийство гнусно мне;

А уж враги твои острят ножи:

Погибнешь, витязь, ежели отвергнешь

Благий совет мой. — Брось ты этот сброд;

В Рязань или в Коломну удались,

Или на Волгу в Нижний: там борись,

Когда достанет силы, с мощью Польши

Но лучше к Владиславу перейди;

Тебе ручаюсь: будешь принят нами

Так, как никто. Для первого начала

Займешь (тебе готов я уступить)

Высокий сан наместника столицы,

Боярство за тобою утвердит

Младой монарх, которому и ты ж,

Прокофий, присягнул, — хотя потом
Присягу и нарушил.

ПРОКОФИЙ

Я присяги
Не нарушал; свою присягу вы,
Жолкевский и король ваш и вся Польша,
Нарушили, попрали: ждали мы,
С дня на день ждали, с месяца на месяц
И — королевича не дождались.
Не станем тратить слов; да ты и сам
Ведь не надеешься меня склонить
К предательству моей земле родимой.

ГОНСЕВСКИЙ

Так удались.

ПРОКОФИЙ

Наличник опусти.

ГОНСЕВСКИЙ

К чему?

ПРОКОФИЙ

Прошу тебя.

(Отворяя дверь)

Войдите все вы,
Весь караул и всякий, кто бы тут
Из посторонних ни случился.

ГОНСЕВСКИЙ

Что ты?

ПРОКОФИЙ

Не беспокойся: нужно.

Входят с т р е л ь ц ы и переодетая М а р и н а

Земляки!
Ведь есть и в неприятельских рядах

Честные души, помнящие бога.
Вот вам пример:

(указывает на Гонсевского)

нарочно из Кремля
Пришел отважный, благородный воин
И говорит (и верю я), что мне
Грозит опасность, что мои злодеи
В земских полках сгубить меня хотят.
Его совет, чтоб я покинул стан
И набрал рать иную. — Мне скажите:
Что делать?

СТРЕЛЕЦ

Головы все за тебя
Готовы положить мы; только нас,
Отец ты наш, не покидай.

ПРОКОФИЙ

Ты слышишь?

МАРИНА

(выступая вперед)

Совет хороший дал тебе поляк.
Не слушай их, не верь им: удались.
Россию любишь? — Удались, Прокофий!
Спаси себя хоть для земли родной.
Теперь еще ты можешь: завтра — гибель.

ПРОКОФИЙ

(долго, молча, смотрит на нее)

Тебе я благодарен, добрый отрок!
Твое усердье вижу и ценю
Тем выше, что я от тебя никак
Не заслужил участия столь живого.
Доводом сильным подкрепляешь речь:
Святой, бесценной пользой России;
Но эта ж польза именно, мой друг,
И требует, чтоб я остался в стане,
Чтоб и погиб, когда так суждено.

Не в укоризну никому: но мне ли,
Грозу завидев, броситься бежать?
Нет! Русскому народу нужен признак,
Чтоб истинных друзей своих узнать
И отличить от ложных: этот признак
Не верность ли? — Да! сам Христос сказал:
«За стадо пастырь душу полагает,
Наемник же бежит»; я — не наемник,
Себе я цену знаю, но и знаю,
Что малодушьем упаду в цене.
Да нет и той надменности во мне.
Чтобы себя избранником считал я,
Тем именно, кто господом призван
Освободить страдалицу Россию. ..
Ее и без меня бог не оставит;
Пошлет ей избавителя вождя:
И будет оный вождь и боле счастлив,
И чище, и способнее меня;
Тот совершит, что только начал я.
Свой долг исполню: друг, предложом мне
Служить не может и родной страны
Гадательное будущее благо.

ГОНСЕВСКИЙ

По крайней мере завтра ты нейди
На раду казаков.

ПРОКОФИЙ

Нельзя нейти!

Я слово дал.

МАРИНА

Тебя я заклинаю:

Нейди!

ПРОКОФИЙ

Не заклинай.

МАРИНА

Рязанцы. мне

И витязю литовскому не верит; —

Пристаньте к нашей просьбе... вы ему
Издавна преданы... Ах! умолите,
Склоните, — силой, ежели нельзя
Уже иначе, удержите...

ПРОКОФИЙ
(с улыбкой)

Друг,
Из них кто силою меня удержит?

КИКИН
Позволь мне с сотней избранных стрельцов
Итти, боярин, за тобой на раду?

ПРОКОФИЙ
Когда опасность точно мне грозит,
Что значит сотня перед целым войском?

КИКИН
Так большее число их устршит.

ПРОКОФИЙ
А, может быть, подаст причину к бою
Меж братьями. — Чем к мерзостной резне
Подать вам повод, сто раз лучше мне
Пасть одному. — Ступайте.

(Уходят стрельцы; Кикину)
Ты из,стана
За нашу цепь проводишь лично пана.
Прощай, поляк! ты человек с душой.

ГОНСЕВСКИЙ
Мне жаль, поверь мне.

ПРОКОФИЙ
Верю. Бог с тобой!
Уходят Гонсевский и Кикин.
Племянник мой с тобой пойдет, Марина. ..

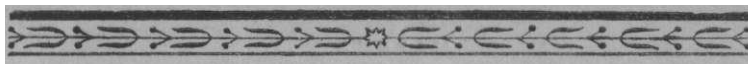
МАРИНА

Ах, Ляпунов! раскаянье, кручина,
Отчаянье.

(Заливается слезами.)

ПРОКОФИЙ

С отчаяньем борись;
Раскаянье благослови; молись,
Молись, прибегни к благодати господней
И устоишь пред алчной преисподней.

ДЕЙСТВИЕ V

СЦЕНА I

По табору прохаживаются Т р у б е ц к о й , Г о л и ц ы н ,
З а р у ц к и й . Чуть светает.

ТРУБЕЦКОЙ

Сердечно рад я, князь Иван, что ты
Сам вызвался присутствовать на раде:
Ты друг Прокофью; отворишь, надеюсь,
Опасность, буде там ему опасность
И угрожает. Я, было, и сам
Хотел туда же; да неловко что-то...
Не правда ли, боярин?

З А Р У Ц К И Й

Точно так.

(К тому ж тебя и трудно заменить.)
Но в этом случае тебя заменит
Благоразумный князь.

ТРУБЕЦКОЙ

Вполне! вполне!

Теперь, Иван Мартыныч, я спокоен:
Вступить за Прокофья есть кому;
Вы оба мужи честные; Голицын
Ему приятель; ты ему не враг,
Хотя и были ссоры между вами.

З А Р У Ц К И Й

Что было, то и сплыло. — Я его
Люблю и уважаю.

Т Р У Б Е Ц К О Й

Знаю, брат.
Не осудите, светы, что я вас
Так рано поднял: не спалось, признаться,
От дум и попеченья и забот,
А между тем мне виделась страшила:
Едва глаза зажмурю, не вздремну —
Что ж? Ляпунов стоит передо мною,
Рубаха вся в крови!

Г О Л И Ц Ы Н

Господь с тобою!

Т Р У Б Е Ц К О Й

Иной бы испугался; я же снам
Не верю, — да и верить им грешно.

Г О Л И Ц Ы Н

Грешно?

Т Р У Б Е Ц К О Й

Не знал ты? в книге Иисуса
Сирахова весьма запрещено
Держаться снов, видений, ворожбы,
Мечтаний и гаданий.

Г О Л И Ц Ы Н

В самом деле?

Т Р У Б Е Ц К О Й

В какой главе, теперь я не припомню.
Пропели петухи?

Г О Л И Ц Ы Н

Пропели, князь.

ТРУБЕЦКОЙ

Вот мы и прогулялися по стану. . .
Ведь вам знаком был немец доктор Фидлер?

ЗАРУЦКИЙ

А как же.

Т Р У Б Е Ц К О Й

Окаянный был умен.
Он мне говаривал, что до зари
Вставать здорово. — Братцы, до свиданья

(Уходит.)

ЗАРУЦКИЙ

Поклон мой.

ГОЛИЦЫН

Бью тебе челом.

ЗАРУЦКИЙ

Сегодня князь Димитрий Тимофеич
Изволил ночью плохо почивать...
Что делать? — выпится и поутру! —
И, право, кстати: спишь, так не грешишь;
По крайней мере ближним не мешаешь.
Кого-нибудь к Прокофью, князь Иван,
Порасторопней из твоих. Скорее,
Чем нам, тебе поверит Ляпунов.

ГОЛИЦЫН

Был, правда, к дому нашему всегда
Расположен счастливый этот воин,
Особенно к Василью; да меня
Он что-то не взлюбил по смерти Федьки
И Марьи Годуновых.

ЗАРУЦКИЙ

Точно так;
А сверх того порассуди, размысли:
Ему ли, выскочке, повелевать

Боярами, князьями, и какими? —
Иван Голицын...

ГОЛИЦЫН

Брат, не говори:
Иван Голицын позабыт, заброшен;
Голицын под рукою у кого?
У Ляпунова. А его отец,
Петрушка Ляпунов, ведь был в холопах
У моего отца. — Известно всем:
Он из простых дворян, не из московских,
Не из жильцов. — Какая, право, чернь
Выходит нынче в люди?

ЗАРУЦКИЙ

Князь Иван,
Нам помощи усторонить Прокофья,
И сан его и место ты займешь.

ГОЛИЦЫН

Вам рад бы помогать я; только что-то
Дмитрий Тимофеич скажет?

ЗАРУЦКИЙ

Что?

Потужит и поплачет и расхвалит
Покойника, потом и замолчит.

ГОЛИЦЫН

(зовет)

Толстой! Потемкин!

Они входят.

ПОТЕМКИН

Что прикажешь?

ГОЛИЦЫН

Оба

Ступайте к Ляпунову; от меня
Ему ручайтесь (можете и крест
Поцеловать), — что будет безопасен

На сходке казаков, хотя бы он
Не оправдался даже, что обратно
Отпустится, и цел и невредим
Ступайте.

ТОЛСТОЙ

Слушаем.

ЗАРУЦКИЙ

О Просовецком

Им помянуть ты позабыл.

ГОЛИЦЫН

Толстой,

Да что прошу его привести с собой
И Просовецкого: желает Рада
Узнать вину его и наложить
По ней и наказание на него.

Они уходят,— входит **Заварзин**.

ЗАВАРЗИН

Ты здесь, боярин; весь я стан обрыскал,
Искал тебя.

Вполголоса

Настроил я своих.

ЗАРУЦКИЙ

Пойдем к весельчакам, Иван Василич.

СЦЕНА II

У Ляпунова **Федор** и **Кикин**.

ФЕДОР

Что дядя?

КИКИН

Полагаю, скоро выйдет.
С ним только что расстался духовник.

ФЕДОР

Как? духовник?

КИКИН

Боярин покаянье
Принес в грехах и приобщился тайн.

ФЕДОР

Знать, сам не чаёт воротиться с рады. Вот он.

ПРОКОФИЙ

(входит)

Уж здесь вы, дети? Добрый день!
Пришли вы кстати рано: порученья
Я изготовил для обоих вас;
Жену мою в Рязань проводишь, Федор;
А ты, Владимир, в Лавру, и тотчас.
Бумаги —

(отдает их)

эти, братец, Салтыкову,
А эти вот Пожарскому. — Друзья.
Что смотрите так грустно, так уныло?
Вы мужи; я и не таю от вас:
Иду на суд казачий, а с него,
Быть может, и на страшный божий суд.
Я снарядился в путь. Меня вы, дети,
Простите, буде вас чем оскорбил! —
Но оскорбленье лучше, чем соблазны...
Соблазны! — я увлек вас за собой
В мятеж безумный на царя Василья. . .
Вы были молоды; на мне ваш грех;
Вы согрешили только по незнанию:
Виновен я, и тяжко. Благ господь:
Меня спасает ныне милосердый;
За мой мятеж и кровь мою и плоть.
Ему предать мятежникам угодно;
А душу (уповаю на Христа) —

Исхитит он из мятежей житейских
И упокоит в вечной тишине.
Но вас молю: соблазны мне простите,
Забудьте их! Еще одно: не мстите
Моим врагам; с вас клятву в том возьму.

ФЕДОР

О боже! боже! Сохрани его,
Спаси надежду нашу!

ПРОКОФИЙ

Друг, я вам
Вчера доказывал, что я обязан
Не устранять сей чаши: пью ее,
И радостно. Да будет воля божья!...
Бедняжка Ольга!... утешенье ей,
Защита и покров отец небесный...
В дороге, Федор, береги ее!

ФЕДОР

И жизни за нее не пожалею.

ПРОКОФИЙ

Бог, друг мой, наградит тебя. — Она!
Глаза утрите.

Входят О л ь г а и В а н я.

Ты, душа, Зашла со мной проститься.

ОЛЬГА

Я совсем;
Да тяжело мне, тяжело, Прокофий!

ПРОКОФИЙ

Нас, Оля, помирят отъезд твой с братом;
Не навсегда ж и расстаемся мы:
Так, свидимся; я это точно знаю.

(Ване)

Здоров ли ты, приятель?

ВАНЯ

Так и сая;

А кое-кто совсем здоровым стал
И стал красавцем. Пусть себе заснет!
Когда проснется, подадут ему
Сорочку белую; в сорочке белой
Еще получше будет; по него
Заедут, повезут его на свадьбу.

ПРОКОФИЙ

Благослови меня, блаженный старче!

ВАНЯ

Христос с тобою: кланяйся Христу.

Входят Толстой и Потемкин.

ПРОКОФИЙ

Добро пожаловать! Не по меня ли?

ПОТЕМКИН

Поклон от князя; да и повешенье,
Что нечего на раде казаков Тебе бояться.

ПРОКОФИЙ

(тихо)

Я и не боюсь;
Но больно мне, что на душу берет
Иван Василич лишний грех

ВАНЯ

Прокофий,
Твоим гостям я песенку спою.

(Поет)

Раскричалась галок стая:
«Заклюем мы сокола!»
Слышит их сова слепая,
К ним летит из-за угла...
Закричала галок стая:
«Помоги ты нам, родная!»
Примани к нам сокола!»
Шлет она к нему посла...
Кто же совушкин посланник?
Отгадаете ли вы?
Филин ли, ее племянник?
Сыч ли, дядюшка совы?
Без ножа он, а убийца,
Дня не любит, — мраку рад;
Он не мышь, он и не птица,
С крыльями, а все же гад.

Кланяется

Посланник — нетопырь: с чем поздравляю.

ПОТЕМКИН

То-то и есть, боярин! сам спесив,
А домочадцы с велика до мала
Заносчивы: и друга и недруга
Поднимут насмех.

ПРОКОФИЙ

Не сердись, прошу;
Вот, если бы тебя Владимир Кикин
Или мой Федор словом уколол,
Ты сам увидел бы, что не потачник
Я дерзости обидной. — Но старик
Не от меня приял святое право
Младенчески высказывать, что дух
Высказывать ему повелевает.
Пора? — вы ждете? — Олинька, прости!
Прости! молися! —

(Он целует ее, она лишается чувств)

Поддержи же, Федор!

Не дай упасть ей. — Бедная! прости!
Ты с нею, Ваня?

В А Н Я

Как же, мой сыночек!

ПРОКОФИЙ

Утешь ее.

ВАНЯ

(*поднимает руку вверх*)

Вон тот ее утешит.

ПРОКОФИЙ

Прощай.

Уводят Ольгу Ф е д о р в В а н я .

Не медли же и ты, Владимир.
Дай руку, братец... С богом! На коня!

К и к и н уходит.

Пойдемте.

ТОЛСТОЙ

Просит князь, чтобы с тобою
Пришел на суд и Просовецкий.

ПРОКОФИЙ

Нет;

Не казакам его судить; не судьи
Они грабителю. Скажите князю:
Земской устав нарушил Просовецкий;
Земскою думой будет он судим.

(*Молится перед иконой и уходит с Толстым и Потемкиным.*)

СЦЕНА III

У Марины. Ржевский и Лодоиска.

РЖЕВСКИЙ

К себе просила. После наглой лжи,
Которою так гнусно очернила
В моих глазах и зятя и сестру?

ЛОДОИСКА

Ах! Ржевский! позабудь! не знаешь ты,
Как мучится, терзается царица...
Идет! — Иван Иванович, пощади!

Входит Марина.

РЖЕВСКИЙ

Марина Юрьевна...

МАРИНА

Благодарю,
Что ты пришел. — В другое время мне
И совестно бы было... Ржевский! Ржевский!
Мы говорим, а гибнет Ляпунов --
Не прерывай! Он сын твоей России
И сын-то ныне самый нужный ей.
Он враг тебе. — Пусть! — За Россию ты
И душу положил бы. — Есть причины
Не слишком доверять словам Марины;
Но в эти искаженные черты,
В глаза потухшие всмотрись! — Спешу же,
Беги! туда, на раду казаков!
Там гибнет, издыхает Ляпунов:
С мгновеньем каждым ближе смерть и ближе —
Ах! Ржевский, ради всех святых!

РЖЕВСКИЙ

Царица!

МАРИНА

Беги! лети! о! почему не птица,
Не ветер ты, не мысль моя?

РЖЕВСКИЙ

Иду.

Спасу ль его? — не знаю, но паду
Хоть вместе — тут же.

(Уходит.)

МАРИНА

С богом, храбрый воин!
Закрой его щитом твоей груди!
Великодушный! — с ним ты пасть достоин:
С ним пасть завидно. — Пасть! О! не пади!
Спаси его!

(Падает на скамью.)

ЛОДОИСКА

Как дух ее расстроен!
Ужасен вопль отчаянной любви.
Царица!

МАРИНА

Лодоиска, не зови!
Пресытилась я жизненной отравой:
Не возвращай меня в ваш мир кровавый!

СЦЕНА IV

Девичье поле. Коло казаков. Заруцкий. Заварзин, кн. Иван
Голицын, Чуп, войсковой писарь, войсковой хо-
рунжий, атаманы, есаулы, сотники, казаки.

ЗАРУЦКИЙ

Смотрите, молодцы! — Когда мигну,
За дело принимайтесь. — Краснобая
Не слушайте: ведь вражий сын речист;
Как раз вас обморочит.

ЕСАУЛ

Вот еще!
Мы видели бумагу и — довольно.

ЗАВАРЗИН

И слышали, и писарь войсковой
Заверил и признал, что тут и подпись
Его руки. Не так ли?

ПИСАРЬ

Точно так;
Не раз случалось видеть почерк мне
Боярина, — и я ...

СОТНИК ХОЛОПКО

Да и гонец
Пред тем, как стал качаться на осине
Во всем мне повинился.

Подходит Чуп.

Пане Чуп!

ЧУП

А что?

ЗАВАРЗИН

Всех нас известь Прокофий хочет.

ЧУП

Не изведет! Пускай себе хлопочет!

ЗАРУЦКИЙ

Послушай, дядя!

ЧУП

Слушаю, Мартыныч

ГОЛИЦЫН

Совсем его не допускать до слова.
Ей-богу, лучше.

ЧУП

Этого, москаль,
Нельзя: где коло, тут и слово; в коле,
Судья или судимый, — все равно,
Имеет слово.

ЗАВАРЗИН

Чуп!

ЧУП

Нельзя.

ЗАВАРЗИН

Злодей

Уж два раза от нас отговорился.

ЧУП

Хотя бы десять раз, а все нельзя.

ЗАРУЦКИЙ

(Заварзину)

Зачем ты, Фролко, старого хрыча
Не напоил, не уложил до кола?

ЗАВАРЗИН

Поил, Иван Мартыныч; да его
Сам дьявол не уложит.

ЗАРУЦКИЙ

Молодцы!

Всех нас убить намерен был Прокофий.

КАЗАКИ

Убить всех нас! — постой же: мы его!
В куски его изрубим, растерзаем.
Руками разорвем!

Входят Ляпунов, Потемкин, Толстой, с другой
стороны Ржевский.

Идет! Идет!
Злодей проклятый!

ЕСАУЛ
Всходит на могилу.

ЗАРУЦКИЙ
Теперь на ней, а скоро ли то в ней?

ХЛОПКО
Смотри, как горд: не кланяется раде.

ЧУП
Кто эти с ним?

ЗАВАРЗИН
Один из них Толстой,
Другой Потемкин, а послал Голицын
Их по него обоих.

ЧУП
Третий?

ЗАВАРЗИН

Где?

ЧУП
Да вот, что прибежал, весь запыхавшись.

ЗАВАРЗИН
А! Это Ржевский: личный враг ему,
Хотя и кровный брат его красотке.

ХОРУНЖИЙ
(выступает вперед и поднимает белый жезл)

Без шуму, атаманы-молодцы!
Без шуму, хлопцы, вольные черкасы!
Открыто коло.—Тише! тише! тише!

ПИСАРЬ

(с свитком)

Стоит на раде, на суду казачьем
Боярин воевода Ляпунов,
Чтоб дать ответ на тяжкие изветы:
Он обвинен, ответчик Ляпунов,
В управе самовластной и жестокой,
В чиненьи притесненья казакам,
И, наконец, по грамате, к которой
Привешана семейная печать
Их рода, Ляпуновых, — сверх того
При ней видна руки его и подпись, —
В злодейском приказаньи городам:
Напасть на оных казаков, какие
Где обретаются, и всех убить
В один и тот же день и час; и день-то
Число седьмое сентября, а час
Четвертый ночи.

КАЗАКИ

Слышишь ли, Прокофий?
Боярин Ляпунов, что скажешь нам?
Чем оправдаешься? — Ну, говори же! —

ПРОКОФИЙ

Не вы, — Земская дума мне судья.

ЗАВАРЗИН

Как? мы тебе не судьи?—ведь ты здесь:
На суд, на раду, в коло ты пришел:
Так, стало, нас и судьями признал.

ПРОКОФИЙ

Я здесь и в ваше коло я пришел:
Не быть судиму, а судиться с вами.

ЗАВАРЗИН

Судиться, то есть спорить? нас учить?
Не думай: не дадим и не позволим.

ЗАРУЦКИЙ

Ответ короткий: признаешь ли ты
Своею грамату? — она тобой ли
Написана? твоя ли тут печать?
Твоя ли подпись?

ПРОКОФИЙ

Вышлите ее
В Земскую думу: думе отвечаю.

ХЛОПКО

И отвечать не хочет: вот гордец!

ЗАВАРЗИН

Чего мы ждем? У нас в руках изменник!

КАЗАКИ

Злодей! изменник!

РЖЕВСКИЙ

Стойте, казаки!

ХЛОПКО

Прочь, Ржевский! и тебе он неприятель.

РЖЕВСКИЙ

Я только знаю, что он прав. К нему
Пройдете вы по телу моему;
Не иначе.

ПРОКОФИЙ

Великодушный Ржевский!

КАЗАКИ

Пусть оправдается!

ПРОКОФИЙ

Не трудно мне
Пред вами оправдаться.

ЧУП
Оправдаться
Он хочет... тише! тише!

КАЗАКИ
Говори!

ПРОКОФИЙ
Быть так: но не забудьте: чтоб себя
Очистить от клевет, товарищ ваш
Прокофий слово скажет, а отнюдь
Не покоряется казачьей раде
Боярин-воевода Ляпунов.

ГОЛИЦЫН
Какие, право, тонкие различья!

ПРОКОФИЙ
Ох! жаль тебя мне, князь Иван Василич! —
Винят меня в управе самовластной;
Но хоть один мне случай укажите,
Чтоб вопреки уставу поступил?

ЗАРУЦКИЙ
Да ты устав не сам ли сочинил?

ПРОКОФИЙ
Ты (сам) и все вожди его скрепили
И приняла вся русская земля.
Всегда я действовал в пределах власти,
Мне данной.

ЗАРУЦКИЙ
Смело утверждаешь, друг!
Но под тобой ли служит Просовецкий?
А ты его схватил и засадил.

ПРОКОФИЙ
Я избранный, законный защититель
Бессильных, беззащитных; он грабитель,

Он зажигатель: если бы его
Я не взял, был бы я и сам преступник.

ЗАРУЦКИЙ

Тебе бы было на него донести
Казачьей раде.

КАЗАКИ

Да! донести! донести!
А не вязать, как подлого москаля!

ПРОКОФИЙ

Он русский стольник.

ЗАРУЦКИЙ

Он казак.

КАЗАКИ

Он наш!
Он где? сюда его! где Просовецкий?

Входит Просовецкий.

Ура! вот он! Ура, наш Просовецкий!

Поднимают и качают его на руках.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Потише, братцы! я устал, вспотел!
Ушел я из-под стражи, а за мною
Так и гнались проклятые стрельцы;
Чуть, чуть не затравили... Ух!

КАЗАКИ

Ура!

ОДИН из КАЗАКОВ

Прокофий, отслужи молебен спасу:
Когда бы наш пузатый не пришел,
Тебя бы мы камнями побили.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Неужто? — жаль же мне, что я пришел!

ПРОКОФИЙ

Истوما Просовецкий, ты бежал
Из-под законной стражи: вдвое будешь
Пред Думою земскою отвечать.

ПРОСОВЕЦКИЙ

Прокофий, не боюсь твоих угроз:
Прошла твоя пора; ты сам в беде;
А мужиков изветы что мне? — Ты,
Ты научил их!

ЗАВАРЗИН

Точно! ты не любишь,
Не терпишь казаков: в его лице
Ты был намерен всех нас обезглавить.

ХЛОПКО

Да что и толковать? Он нас хотел
Известь, зарезать... Где его указ?

КАЗАКИ

Указ злодея! Грамату! указ!

РЖЕВСКИЙ

Подайте, покажите.

Подают Ржевскому. Ржевский подает Ляпунову.

ЗРУЦКИЙ

Ну, Прокофий!

ПРОКОФИЙ

И верите вы этой глупой лжи?

ЗАВАРЗИН

Не хочешь, а поверишь! чья тут подпись?

ПРОКОФИЙ

Как вы достали этот лист?

ЗАВАРЗИН

А так.

У твоего же отняли стрелца.
Стрелец же показал во всем согласно
С тем, что написано в твоём листе.

(Шопотом Заруцкому)

Опасно мешкать: увернется бес;
Уж хлопцы ведь развесили-то уши!

ПРОКОФИЙ

Где тот стрелец? Хоть для меня и низко,
Да так и быть: очную ставку мне
С ним дайте.

Х Л О П К О

Поздно, брат: стрелец не близко;
Он провалился в ад и ждёт тебя.

ПРОКОФИЙ

И как вы смели?

ЗАВАРЗИН

Полно! нам не время
С тобою рассуждать.

ЗАРУЦКИЙ

Твоя ли подпись?

ПРОКОФИЙ

Нет, не моя.

ЗАВАРЗИН

Твоя! я говорю!
Твоя, проклятый! Я тебе за сына!

РЖЕВСКИЙ

Заруцкий, бешеного удержи!

ЧУП

Да что вы, хлопцы?

РЖЕВСКИЙ

Ты без рук, Голицын,

Стыдись! убийцам выдаешь его!

Толстой! Потемкин! — стойте, душегубцы!

ЗАВАРЗИН

Пошел, красавец! не мешай ты нам!

РЖЕВСКИЙ

Вступитесь, казаки, за воеводу!

ЗАВАРЗИН

Прочь! прочь! — не хочешь? Сгинь же, как собака!

Закалывает Р ж е в с к о г о , потом вместе с З а р у ц к и м и сотником Х л о п к о — Л я п у н о в а ; Ч у п хочет броситься на помощь погибающим, его оттесняют.

ПРОКОФИЙ

Брат, — брат Иван! погиб ты за меня!

РЖЕВСКИЙ

Нас смерть мирит с тобою, брат Прокофий!

Христе-спасителю! прими мой дух!

(Умирает)

ПРОКОФИЙ

Указ не мой, клянусь царем небесным.

Всесильный! милосердый! о! спаси

Россию и моих убийц помилуй!

(Умирает)

Казаки с ужасом разбегаются.

СЦЕНА V

Близ дороги в Троицкую Лавру.

Две могилы.

ВАНЯ

(один с заступом)

Бедняжечка! Ее ли я забуду
В своих молитвах? Ты ее скорее,
Христе мой боже! прибери к себе!..

(Помолчав)

Остановились под Коломной мы;
Зачём-то вышел Федя Ляпунов...
Глаз на глаз с нею я в избе остался,
И вот она подходит, в пояс мне,
Рыдая, поклонилась: «Муж блаженный!
Нельзя самой мне: прогневолю его;
Ты воротись: ему грозит опасность;
Храни, оберегай, спаси его!» —
И рад бы был; да я старик бессильный
И малоумен я в мирских делах.
«Дает бессильным силу бог всеильный,
Премудрый и младенцам ум дает».
Что было делать? воротился я,
Да поздно! — Уходили Ляпунова,
С ним вместе Ржевского, и я убийц
Насилу упросил тела мне выдать.
Пусть вместе спят! я вместе их зарыл! —
Чудны же, батюшка, отец небесный!
Судьбы твои: Прокофья не любил
Ванюша Ржевский, а закрыл собой
И пал с ним вместе. — Я царю Василью
Усердным был холопом. . . Что же? я
Его врага Прокофья схоронил.
Бездомный я, юродивый бродяга;
Он был и мудр, и славен, и могущ,

И воевода, и правитель грозный,
И властвовал над Русскою землею;
А без меня истлел бы в чистом поле;
Да! псы бы растерзали труп его,
И птицы бы остатки расклевали.

Отв. Редактор. Н. Л. Степанов.
Технич. Редактор А. Кирнар-
-ская. Корректор С. Шаталов.

Художник М. Кирнарский. Лен-
горлит №2465. С.П. — 102/Л.
Тираж 10000 экз. Сдано в на-
бор 5/III 1938 г. Подписано
к печати 8/VI /VI 38 г. Формат
бум. 82 *110/32. Бум. л. 2 $\frac{3}{8}$.
Колич. знак. в 1 б.л. 145.000.
Печ. л. 9 $\frac{1}{2}$. Уч. -авт. л. 8,37.
Авт. л. 7,9. Отпечатано в
тип. им. Володарского, Фон-
танка 57. Заказ №2492.

2 р. 50 к. Переплет 1 р. 50 к.